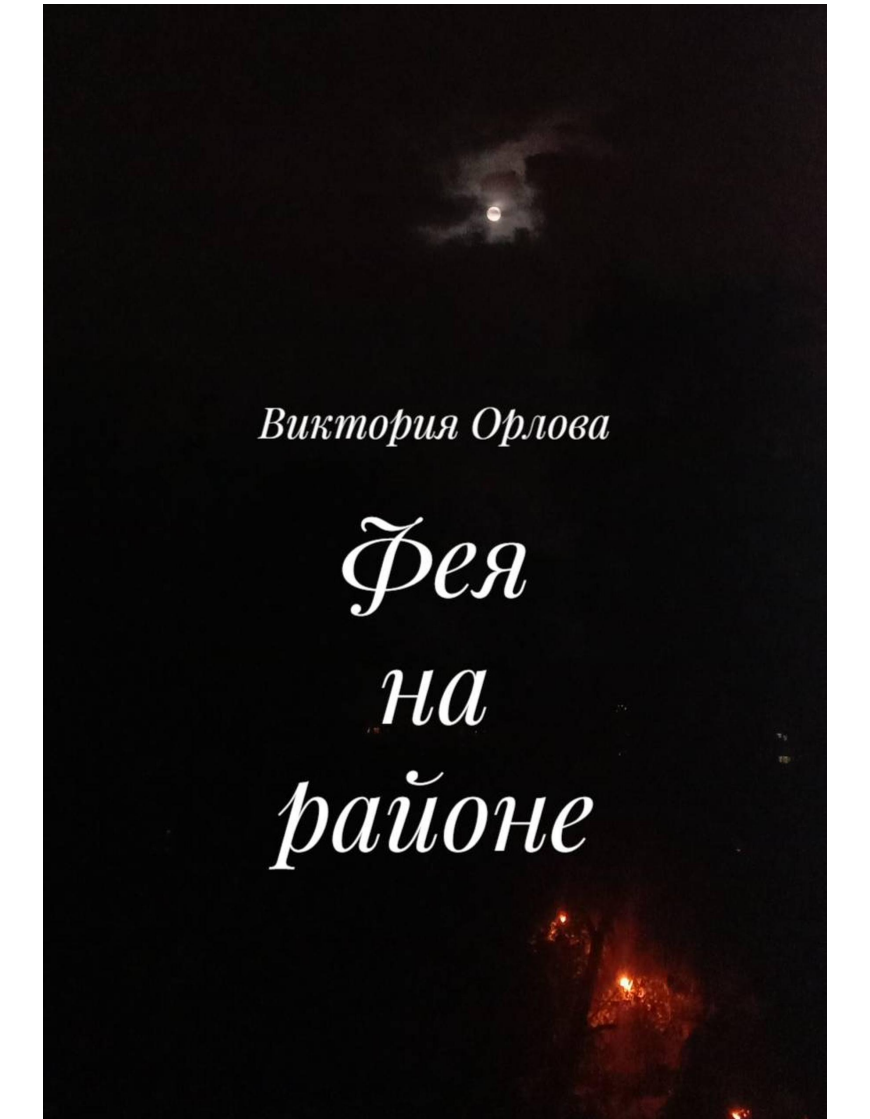

Виктория Орлова

*Фея
на
районе*

Виктория Орлова

Фея на районе

<https://litres.ru/73888854>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна - дежурная фея. Колесит по своему району на волшебном велосипеде в сопровождении волшебного белого кота, исполняет желания граждан. И при этом не верит в чудеса.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	32
Глава 5	37
Глава 6	44
Глава 7	52
Глава 8	59
Глава 9	70
Глава 10	77
Глава 11	85
Глава 12	93
Глава 13	101
Глава 14	110
Глава 15	116

Виктория Орлова

Фея на районе

Глава 1

Петрова звонит мне в восемь утра в воскресенье и тоном, не терпящим возражений, заявляет:

– Сегодня едем к Сергеичу на дачу, форма парадно-выходная, штаны удобные, но стильненькие, и вообще, оденься прилично. Заеду через час, чтоб была готова. До встречи, – и вешает трубку.

Петровой наплевать, что у меня единственный выходной: с понедельника по пятницу я вкалываю в офисе специалистом нереально широкого профиля. Должность моя пафосно именуется офис-менеджер, но так-то я простая секретарша с околонулевой зарплатой. Кроме того, для денег и радости подрабатываю переводами с французского. Потому в субботу тоже встаю рано – утром голова лучше работает. И только воскресенье – это святое. В воскресенье я позволяю себе поваляться подольше. И тут Петрова. Какая дача, мне завтра на работу к девяти! И кто такой этот Сергеич? Я не знаю его!

Все это я мысленно выкрикиваю в трубку, пока принимаю душ. Конечно, я бы сказала это Петровой и вслух, но она же не стала меня слушать! И когда приедет, не станет. А если

я не буду готова, начнет нудеть, что нельзя же все время работать и спать, надо же когда-нибудь отдыхать по-человечески и знакомиться с нормальными людьми. Продолжительность нотации напрямую зависит от того, сколько я еще буду копать. Если совсем немножко, то и нотация будет коротенькая, а коротенькую нотацию от Петровой я как-нибудь вытерплю. Все-таки она моя единственная подруга. Так уж вышло.

Выскакиваю из душа, не успев как следует обтереться, потому что в прихожей верещит телефон – так, что, кажется, скоро надорвется. У меня в квартире старый телефон, дисковый еще. И звук у него такой противный, что я бы его выключила навсегда к чертовой бабушке. Кому вообще нужен этот антиквариат, когда весь мир уже перешел на смартфоны. Но нельзя – хозяйка считает, что так дешевле. Понятное дело, звонит она всегда рано утром – у нее бессонница, а я гарантированно дома.

Эмилия Макаровна утверждает, что давно забыла, сколько ей лет, потому что лет двадцать назад перестала стареть. Если это правда, то ей уже перевалило за сотню, потому что выглядит она на весомые восемьдесят, несмотря на замысловатые шляпки с вуалями и выразительный макияж индейского вождя перед военным походом.

После дежурной фразы: «Скоро срок платежа, милочка, вы не забыли?» – она каждый раз долго пилит меня по поводу порядка в квартире:

– В прошлый раз в ванной был сырой пол и грязное зеркало. Так не годится. Вы клялись мне, что будет идеальный порядок!

Тут полагается просить прощения и обещать, что это не повторится, после чего звучит вторая дежурная фраза: «Вот я в вашем возрасте» – и Эмилия Макаровна минут на пятнадцать-двадцать погружается в воспоминания, которые я давно выучила наизусть слово в слово.

Большую часть своей жизни старуха Каргина служила в театре – по ее уверениям, она была лучшей костюмершей за всю историю Города. И, конечно, на ней женился местный принц – звезда нашего драматического. Двадцать лет они прожили в любви и согласии, а потом, во время очередного отпуска у моря, Эмилия познакомилась с одним миллионером из Москвы и влюбилась. Закрутился роман, она объявила мужу, что уходит от него, муж от отчаяния запил и бросился в море во время шторма, завещав ей просторную квартиру и внушительные сбережения. Потрясенная его гибелью, Эмилия расторгла помолвку с миллионером и вернулась в Город в статусе вдовы.

С тех пор она свято хранит память об этом прекрасном человеке, которого не ценила при жизни, проживает в его квартире и сдает мне свою собственную.

Закончив мемуар, она возвращается в реальность текущую и сурово предупреждает:

– Еще один такой случай, и можете искать себе другую

квартиру.

И я снова обещаю, что это не повторится.

Вы, пожалуйста, не думайте, что у меня такой уж беспорядок – напротив, я очень стараюсь, чтобы хозяйке не к чему было придираться. Но она все равно находит – похоже, ей просто приятно напоминать мне, что я здесь на птичьих правах. И это правда – у нас с ней даже договора нет. Петрову этот факт возмущает до глубины души.

Сегодня Эмилия Макаровна, против обыкновения, сама любезность. Она даже здоровается и интересуется моим самочувствием. Это заставляет меня насторожиться – и правильно. После того, как я сообщаю, что со здоровьем у меня полный порядок, голос старухи Каргиной становится приторным до омерзения:

– Тогда вам, милочка, не составит труда в течение двух недель найти себе новое жилье. А в этой квартире будет жить мой племянник Петечка из Талды-Кургана.

И она еще минут десять рассказывает, какой распрекрасный младенец был Петечка в раннем детстве, когда она однажды ездила в гости к сестре. Хотя я ее не спрашивала. Ни о чем, даже о том, какого черта она так со мной поступает, несмотря на то что вот уже три года я каждый месяц исправно отдаю ей половину зарплаты. Впрочем, зарплата у меня такая, что на половину не снимешь даже комнату в коммуналке, так что Эмилия Макаровна понимает: с ее стороны

сдавать мне квартиру за такие деньги – чистая благотворительность.

Петрова, правда, считает, что она мне доплачивать должна за то, что я каждый день выслушиваю ее мемуру. И что я в любой момент могу переехать к самой Петровой, у которой роскошные апартаменты в новом жилом комплексе с видом на реку. Но я не хочу – мама всегда говорила: не одалживайся у друга, если не хочешь его потерять.

Пока Эмилия Марковна поет дифирамбы неведомому Петечке, я рассеянно сушу волосы полотенцем, плечом придерживая возле уха тяжеленную трубку. Наконец, на том конце раздается «Танец маленьких лебедей» – мобильник у нее все-таки есть, для входящих. Хозяйка вскрикивает:

– Ах, кажется, это он звонит! – и, не попрощавшись, бросает трубку к вящему моему облегчению.

Талды-Курган, боже мой, думаю я, пока варю кофе. Где это вообще? Впрочем, неважно, где. Не в этом дело. Дело в том, что я никуда не еду. О чем и сообщаю Петровой, когда она стремительно врывается в дверь, сбрасывает курточку прямо на телефон, вихрем проносится на кухню, плюхается на мою любимую табуретку, наливает себе кофе (черный, без сахара) и открывает рот, чтобы приступить к нотации. Тут я быстро выдаю историю про хозяйку, Талды-Курган, Петечку и сообщаю, что мне нужно срочно искать жилье, поэтому на дачу я ехать ну никак не могу. Петрова закрывает рот. При-

хлебывает кофе. Смотрит на меня. На часы. За окно. Снова открывает рот и произносит своим фирменным тоном:

– Мне на Петечку плевать. В понедельник возьмешь отгул и найдешь себе квартиру. А сегодня на дачу. Старшие тебя ждут.

Отгул, конечно, никто не даст, но спорить с Петровой у меня не хватает духу.

Всю дорогу Петрова, к моему изумлению, молчит. Молчащая Катрин – это нонсенс, так вообще не бывает. Но сегодня, видимо, какой-то волшебный день. Она молчит и даже не критикует мои штаны, выкопанные, можно сказать, со дна комода. А я-то думала, всю дорогу ворчать будет – Петрова в жизни такое не наденет, в ее картине мира джинсы с вышитыми гладью цветами по бокам – отстой. Но таких шмоток, которые Катрин сочла бы стильненькими, у меня отродясь не водилось. На работу я хожу в строгом костюме (у меня их два, чтоб совсем уж не засохнуть, один брючный, другой с прямой юбкой средней длины), а в прочих торжественных случаях вроде субботней прогулки надеваю любимые клеши, которые Петровой категорически не нравятся.

Ей хорошо, у нее фигура. А у меня недоразумение. Что ни надень – все как на вешалке. В школе меня дразнили макаронной, и с тех пор мало что во мне изменилось. Петрова, впрочем, уверяет, что завидует мне, потому что ей постоянно приходится сидеть на диете, а я могу себе позволить жрать

все на свете. Но мне не хочется жрать все на свете – я вообще есть не очень люблю. Разве что мороженое. Мороженого я могу сколько угодно слопать. Даже когда Петрова везет меня в неизвестную даль и загадочно молчит. Поэтому, завидев тетку с тележкой хладокомбината, предлагаю остановиться и купить по стаканчику. Но она делает вид, что не слышит, и мне ничего не остается, кроме как бездумно пялиться в окно.

Город готовится к зиме. Дворники деловито сметают с тротуаров последнюю желтую листву, деревья ёжятся голыми ветками, голуби, нахохлившись, толкуются возле пустых скамеек, бродячие собаки греются на колodalцах теплотрасс. Солнце периодически выглядывает из-за туч и ласково гладит прохожих по непокрытым еще головам. Прохожие поднимают глаза, щурятся и благодарно улыбаются в ответ.

Впрочем, непокрытых голов уже не слишком много – солнце солнцем, а ветер студёный, простыть недолго. Я вот, к примеру, в шапке. Петрова её тоже ругает, говорит, не-solidно. А мне нравится – объёмная, с большим пушистым помпоном. Вся моя шевелюра в нее отлично помещается. И ушам тепло. Правда, в машине и без шапки тепло. Журчит какая-то музыка. Молчит сама Петрова. А на улице холодно, и, наверное, скоро пойдет снег. Вот бы вместо снега выпало мороженое, думаю я. Закрываю глаза – и представляю, как наш город засыпает мороженым. И пусть оно будет раз-

ное, ладно? – прошу я кого-то, кто наверняка меня не слышит. Фисташковое пусть будет, и шоколадное, и ванильное. И пусть падает с неба крупными хлопьями. А мы будем задирать головы, открывать рты и ловить эти хлопья языком. Они будут таять, и мы будем таять от счастья

– Голову мыть задолбаешься, – слышу голос Петровой.

– Ну и что, – отвечаю, – мы что-нибудь придумаем, специальные шляпки-тарелки, например, так даже удобнее мороженое собирать.

Вместо ответа Петрова больно толкает меня в плечо, а потом вдруг начинает трясти и вопить:

– Да просыпайся же, соня! Приехали!

Глава 2

Открываю глаза. И правда, приехали. Только вот куда? Вместо нормальной человеческой дачи перед нами – средневековый замок. Маленький такой, но вполне настоящий. Обнесенный внушительной каменной стеной. Наверное, сплю еще. Закрываю глаза, чтобы проснуться. Снова открываю. Нет, стоит замок. Значит, точно, настоящий.

– Вылезай, говорю, – настаивает Петрова.

Послушно вылезаю. Под ногами каменная мостовая.

– А где дача? – спрашиваю.

– Да вот же, – тычет Петрова в замок. – Сергеич банальщины не любит. Зато он любит средневековую Европу, ну и организовал себе тут кусочек. Благо, есть на что. Иди позвони.

Над калиткой висит внушительных размеров колокольчик. Дергаю за веревку. Раздается мелодичный басовитый звон. Открываются массивные ворота.

Петрова газует и въезжает во двор. Вслед за машиной захожу и я. На каменном крыльце стоит хозяин. С первого взгляда я узнаю в нем Деда Мороза – окладистая борода, нос картошкой, ласковый взгляд из-под густых бровей. Правда, вместо шубы, шапки и валенок на нем толстый свитер с оленями, мягкие фетровые брюки и шоколадного тона ботинки.

– Катюша, дорогая, а мы тебя ждем!

– Здравсьте, Алексей Сергеич! Вот, привезла, как просили, знакомьтесь, это Анька – рапортует Петрова и тут же поправляется: – Анна, моя подруга. Я вам говорила про нее.

– Здравствуйте, Анна, рад познакомиться, – голос у него тоже как у настоящего Деда Мороза, низкий и теплый. – Милости прошу!

Он распахивает дверь, Петрова подталкивает меня в спину, и мы обе входим в просторную прихожую. Вопреки ожиданиям, внутри дом совершенно не похож на замок – желтые деревянные полы, стены с обоями в мелкий цветочек, набитые книгами старинные шкафы, по стенам развешаны фотографии европейских городов в аккуратных рамках. Алексей Сергеевич помогает нам раздеться, жестом приглашает за собой.

В комнате, куда мы входим, уже накрыт стол, за которым восседают две дамы в возрасте и один старичок. Все они сидят лицом к нам, и, если бы не многочисленные тарелочки и вазочки на столе, чашки с дымящимся чаем, пирожок в руке у старичка и набитый рот одной из дам, я бы решила, что мне предстоит суровый экзамен.

– Всем здасьте! Привет, тетя Ира! – Катрин подходит к сухонькой пожилой даме с буклями, бесцеремонно целует ее в щеку и плюхается на соседний стул.

Я остаюсь стоять.

– Познакомьтесь, это Анна, – говорит Алексей Сергеич.

– Она вам подойдет, – заявляет Петрова своим фирмен-

ным тоном. Алексей Сергеич делает вид, что не услышал и продолжает:

– Анна, позвольте вам представить моих коллег. Ираида Антоновна, биохимик, доктор наук, – он указывает на «тетю Иру». Ираида Антоновна смотрит на меня оценивающе, потом поджимает тонкие губы и чуть наклоняет голову. Я кланяюсь в ответ.

– А это Виталина Георгардовна

– Ой, давайте без Георгардовны и уж тем более без титулов! – перебивает его вторая дама, дожевывая пирожок. Она значительно моложе Ираиды Антоновны, но тоже в возрасте, что-то около шестидесяти, наверное, только на пенсию вышла, – Виталина, деточка, зовите меня просто по имени. Мне так удобнее. Да и вам язык не ломать.

И Виталина широко улыбается. Она вообще вся такая широкая. На щеках румянец или румяна? А, неважно. Ей идет. Помада яркая, кофточка в блестках, красный нос и рыжая густая шевелюра. Волосы крашенные, конечно, но это определённо не парик.

– Виталина у нас специализируется на ботанике и психологии, – поясняет Алексей Сергеевич.

– А я Соломон Аркадьевич, экономист – привстает со своего места щуплый старичок в очках и костюме-тройке. Я подавляю желание сделать книксен и вместо этого снова кланяюсь. Как-то само получается.

Алексей Сергеич провожает меня к столу, галантно от-

ставляет стул и придвигает его, когда я сажусь.

– Чай, кофе? – спрашивает он. И, не дождавшись ответа, ставит передо мной стакан чаю в серебряном подстаканнике, а перед Петровой – чашку кофе со сливками. Все знают, Петрова чай не пьет – только кофе! А мне все равно.

– Ну что, обсудим наши дела? – говорит Ираида Антонова, как только Алексей Сергеевич усаживается и берет в руки свою чашку.

– Про дела меня никто не предупреждал, – честно сообщаю я.

Петрова фыркает:

– Тебя предупреди, все дела с перепугу и провалишь. Трусиха.

– Это не страшно, – ласково улыбается Соломон Аркадьевич. – Дела у нас подготовки не требуют. Мы просто хотели на вас посмотреть и задать вам несколько вопросов.

– Для чего? – настораживаюсь я. Что может быть нужно от меня этим достойным людям?

– Скажем так, мы могли бы предложить вам работу. Если вы нам, конечно, подойдете.

У меня вспыхивают щеки.

– Я вообще-то не набиваюсь. У меня вообще-то есть работа, и я вообще-то не собираюсь ее менять.

– А она вам нравится, деточка, ваша работа? – участливо интересуется Виталина.

– Ну, так – задумываюсь я. Чего хорошего день изо дня

перебирать бумажки, отвечать на бесконечные звонки и доделывать за всеми дела, которые все не успевают, не могут или не хотят доделать. Но повышения мне не предлагают, а уйти из нашей конторы – значит потерять единственную возможность видеть Витьку. А этого я себе пока позволить никак не могу.

– Не нравится, – констатирует Соломон Аркадьевич.

– А что вы любите делать? – спрашивает Ираида Антоновна.

Снова задумываюсь. В сущности, я много чего люблю, но все это не имеет ни малейшего отношения к моим деловым качествам. Впрочем, здесь я случайно, какую работу мне предложат, еще неизвестно, работы у меня и так по горло, зарплата вот копеечная. Но дело-то вовсе не в зарплате! Так что я не сильно расстроюсь, если вдруг меня не возьмут. Со всем, то есть, не расстроюсь. Поэтому честно отвечаю:

– Я люблю гулять по городу, валяться на диване и смотреть на облака. А еще мороженое, воздушные шары и Париж.

– А животных? – интересуется Виталина.

– Смотря каких, – уклончиво отвечаю я. Мышей и тараканов я не люблю, это уж точно.

– А кошек? – прищуривается Ираида Антоновна

– Ну что вы навалились на человека, – вмешивается хозяйин. – Давайте для начала всё-таки чайку.

Чай мы пьем долго, они все расспрашивают меня, и я, непонятно зачем, рассказываю им про себя все-все, и про

детство, и по маму, и про институт, и про любимые книжки, и даже про стоп, про Витьку я все-таки умалчиваю, про Витьку, кроме меня, не должен знать никто. Умолкаю на полуслове, чуть не проболтавшись.

Они слушают, кивают головами, улыбаются мне ласково – все, даже сухая как солома Ираида. И чай такой вкусный, и печенье тоже – сливочное, рассыпчатое. Такое пекла мама, а потом я уже больше нигде даже похожего не ела. Поэтому я беру одно за другим и никак не могу остановиться. Виталина подливает мне чаю, и я благодарно киваю вместо того чтобы, по обыкновению своему, начать отказываться и краснеть.

– А что у вас с жильем, дорогая? – спрашивает вдруг Ираида.

Я замираю. Перед глазами возникает Эмилия Макаровна, ведущая за руку огромного младенца в подгузнике. Вероятно, это Петечка. Нервно сглатываю, подношу ко рту чашку.

– С жильем у нее как раз засада, – включается Петрова, – но это ничего, найдем мы ей квартиру, можете не беспокоиться.

– А что случилось с прежней? – участливо интересуется Соломон Аркадьевич.

И я выкладываю как на духу всю историю с Эмилией и Петечкой.

– Это какая Эмилия? Не костюмерша ли из драмы? – спрашивает Ираида.

Киваю: она самая.

– Помню-помню! – восклицает Виталина. – От нее еще муж сбежал в начале девяностых.

– Не совсем так, – поправляю. – Он умер, когда она собралась уходить к другому

Ох, что это со мной? Сплетничаю, как последняя балаболка а ведь Эмилия Макаровна вовсе не рассчитывала на то, что я начну трепаться о ее личной жизни с кем попало!

– Это она вам рассказала? – фыркает Виталина.

Снова киваю. Что уж теперь.

– Вообще не так все было! – Виталина чуть наклоняется ко мне и доверительно сообщает: – Когда Каргин женился на Мильке-костюмерше, весь город возмущался: где он – и где она!

– Ну, положим, не весь, – холодно вато замечает Ираида, – Мне вот было совершенно все равно.

– Это потому, что вы не любите искусство! – парирует, хихикая, Виталина.

– Кто, я? – едва заметные белесые брови Ираиды ползут кверху.

– Виталина шутит, Ирочка, не обращайтесь внимания, – примирительно басит Алексей Сергеевич.

– Конечно, шучу, – расплывается в улыбке Виталина, – но даже удивительно, как это вы ничего про эту историю не слышали. В него же все девчонки влюблены были! Сколько слез было, одна даже собиралась Мильку бандитам заказать! В процессе, кажется, за одного из бандитов замуж вышла и

успокоилась.

Ираида поджимает губы и замолкает.

— Ну так вот, — продолжает Виталина, — Они поженились, а через три года он сбежал.

— Как сбежал? — спрашиваю, — Куда?

— В Москву сбежал. В театре новая актриска появилась, молодая такая, симпатичная. Ну, у них и закрутилось. И тут его как раз в Москву позвали. Он девчонку с собой и увез. А Мильке квартиру оставил в качестве отступного.

— Все-то вы знаете, — раздраженно говорит Ираида. Но Виталина делает вид, что не заметила.

— Так как же вы собираетесь решать квартирный вопрос? — возвращает нас к делу Соломон Аркадьевич.

Пожимаю плечами: откуда мне знать?

— А в договоре что прописано? — спрашивает он. — Вряд ли по договору у арендодателя есть право с бухты-баракхты вышвыривать вас на улицу.

— Да нет у нее договора, — встревает Петрова, — сколько раз говорила: подпиши! А она: у нас взаимовыгодные отношения, я плачу копейки, а бабке налоги платить не надо и ремонт можно не делать. Конечно, зачем там ремонт, обои с допетровских времен висят!

— В допетровские времена, Катюша, нашего города еще в природе не существовало, — уточняет Ираида.

Петрову это явно не смущает.

— Квартиру мы ей найдем, — решительно заявляет она. —

И договор подписать заставим, чтоб без сюрпризов.

— Прекрасно, — кивает Соломон Аркадьевич. — но если что

— В смысле? — вскидывается Петрова. — Вы что, мне не доверяете? Сказала, найдем, значит найдем.

Я молчу. Не люблю спорить. Особенно с Петровой. И так разболталась не в меру. Мне здесь хорошо, и даже воспоминание о квартирных неприятностях почему-то не портит настроения. Я просто беру следующее печенье и слушаю, как Виталина пускается в воспоминания о днях молодости, когда она фанатела по Каргину и уморительно передразнивает «Мильку», известную мне как Эмилия Макаровна. Все смеются, даже Ираида издает шелестящий звук и слегка растягивает губы. Мы с Петровой обе хохочем в голос, и я уже почти не помню ни про Петечку, ни про то, что завтра нужно срочно искать другое жилье.

Глава 3

В разгар веселья раздается мелодичный звон. Это бьют часы – старинные, массивные. Сверху – деревянная фигурка кота, выкрашенная белой краской. Ой, вовсе не деревянная! Кот потягивается и прыгает наземь. Я могу поклясться, что он вырос в прыжке! На часах сидел маленький, сантиметров двадцать – а приземлился роскошный пушистый котяра с полметра, не меньше, и это не считая хвоста! Кот подходит ко мне, внимательно на меня смотрит зеленущими глазами. Потом вспрыгивает на соседний стул, взглядывает на хозяина и важно кивает. Сергеич кивает ему в ответ.

– Пора вас познакомить, наконец, – обращается он ко мне. Сергеич, не кот. Хотя я б не удивилась, если бы кот. – Это наш Альбано.

Кот поворачивается ко мне и снова кивает. Наклоняю голову в ответ. Он совершенно точно понимает, о чем идет речь. Я одна тут, по-моему, ничего не понимаю. А, нет. Вон сидит Петрова с печеньем в руке, отвалившейся челюстью и глазами размером с блюда. Этими глазами она смотрит то на кота, то на меня. Значит, тоже ничего не понимает, а главное, весь этот пассаж с котом мне не приснился. Хорошая новость.

Но Петрова есть Петрова. Мгновенно придя в себя, она вдруг отряхивает пальцы от крошек и тянется через весь стол

к коту:

– Ой какая киисааа!

Это она зря. Котьяра шипит и возмущенно шваркает Петрову по пальцам мохнатой лапищей, вызвав тем самым ее искреннее недоумение: за что?

– Альбано не выносит фамильярности, – поясняет Сергеич скорее мне, чем Петровой, которая обиженно дует на пальцы – царапина легкая, едва заметная, но как он мог, она ж из лучших побуждений!

Мне немножко жалко Петрову, но, правда, зачем она? У этого зверя на лбу крупными буквами: не подходи, убьет. И глаза слишком умные, чтобы можно было позволить себе обозвать его «кисой». Нашла кису, тоже мне.

Виталина, меж тем, наливает в блюдце сливки, ставит перед котом, и тот с достоинством приступает к трапезе. Казалось бы, что такого – кот из блюдца лакает. Но мы все почему-то замолкаем и почтительно смотрим, как он это делает. В конце концов, это просто красиво! В то же время я кожей чувствую какое-то напряжение, как будто вот-вот должно решиться что-то важное.

Наконец, блюдце пустеет. Кот обмахивает языком усы, и опять не мигая смотрит на меня. Долго смотрит – так, что мне становится не по себе, и я вдруг чихаю. А кот улыбается. Точно, точно, это улыбка! С этой улыбкой он аккуратно перебирается со своего стула ко мне на колени, устраивается поудобней и слегка прикрывает глаза.

– Можете его погладить, Анечка, – уголками губ улыбается Ираида. Я осторожно провожу рукой по мягкой шерсти. Альбано довольно урчит.

– Ишь ты, признал! – хмыкает Соломон Аркадьевич.

– Ну вот и славно! – облегченно вздыхает Виталина.

– Альбано вас одобрил, – Алексей Сергеич окончательно становится похож на Деда Мороза. – У коллег, похоже, тоже возражений нет, – он обводит глазами присутствующих, и все, даже Ираида, согласно машут головами и дружно смотрят на меня.

Я, признаться, растеряна. Конечно, мне очень приятно, что меня все одобрили, даже Альбано. И мне здесь тепло, уютно, и очень нравится запускать пальцы в густую мягкую шерстку зверя. Но вообще я не совсем понимаю, почему меня-то никто не спрашивает, как я к этому всему отношусь? И, собственно, к чему к этому? Мне до сих пор никто ничего не объяснил!

– Дорогая, вы, кажется, расстроены? – обеспокоенно замечает Виталина.

Я мотаю головой – нет, не расстроена! Но

– А кто-то уже объяснит человеку, что происходит-то? – выпаливает вдруг Петрова. – Я, между прочим, как вы просили, ничего ей не говорила. На вас рассчитывала, между прочим.

Петрова набирает в грудь воздуха, чтобы продолжить тираду, но Соломон Аркадьевич мягко кладет ей руку на пле-

чо, и она замолкает.

– Пожалуй, ты права, Катюша, – шелестит Ираида Антоновна. – Может быть, Анна и не захочет принять наше предложение. Но ведь, согласитесь, если бы мнение Альбано оказалось отрицательным, мы категорически не могли бы раскрыть детали того дела, которое намерены ей поручить. Если она, конечно, согласна.

Все снова смотрят на меня, Альбано тоже. Я замираю. Что я должна ответить? Я ведь даже не представляю, о чем идет речь! Но вместо того, чтобы выяснить подробности поручаемого мне дела, вдруг впадаю в самоуничтожение:

– А если я не справлюсь?

– Справитесь, в этом нет никаких сомнений, – машет пухлой ладошкой Виталина.

– А... а как же моя работа?

– В сущности, – Соломон Аркадьевич поправляет очки, – вы можете совмещать свои текущие обязанности с должностью дежурной феи, но

Моя рука, до этого размеренно двигавшаяся вдоль какой-то спины, замирает.

– Какой, простите, должностью? Я, должно быть, ослышалась

– Дежурной феи, дорогая, именно так! – восклицает Виталина.

– Но опыт показывает, – повышает голос Соломон Аркадьевич, – что совместительство такого рода не доставляет

удовольствия, и, как следствие, пагубно влияет на эффективность сотрудника.

– Проще говоря, ваша старая работа будет портить вам настроение, и вы не сможете в полной мере насладиться преимуществами новой, – поясняет Ираида Антоновна. – Вы нас понимаете?

Я неопределенно мычу. Нет, меня, конечно, периодически именуют офисной феей, но это ж так, фигурально! Да и вообще, какие феи? Откуда? С ума они тут походили все, что ли? Смотрю на Петрову – и замечаю, что она тоже несколько растеряна. Но для Петровой это не помеха.

– Алексей Сергеич, дорогой мой, – сердито смотрит Катрин на хозяина дома. – Может, вы объясните Анне более внятно, что имеется в виду? И мне заодно, а? Вы мне что сказали? Что вам нужна мечтательница для несложной высокооплачиваемой работы, так?

– Так, – соглашается хозяин. Он абсолютно серьезен.

– Я вам притащила лучшую мечтательницу нашего города, так?

– Похоже, именно так, – кивает Алексей Сергеич.

– А вы тут шутки шутить вздумали? Игры играть? Какие феи, вы о чем? Я все дела бросила, эту святую душу выходного лишила, думала, приличное место ей найду, чтоб она больше чашки за офисными балбесами не мыла, а вы – фея? Вы издеваетесь, что ли?

– Катенька, деточка – теряет терпение Ираида, – мне край-

не неловко, но я вынуждена попросить тебя помолчать. Да, мы не все тебе объяснили. Но если бы мы объяснили тебе все, ты бы никогда не привезла к нам эту милую девушку, чрезвычайно подходящую для исполнения обязанностей дежурной феи! Ты бы нам просто не поверила – а если и поверила бы, вряд ли смогла бы толком объяснить все своей подруге.

– Вот уж не думала, что вы мне настолько не доверяете, тетечка Ирочка, – обиженно бурчит Петрова.

– Не доверяли бы – не просили бы о таком важном деле! – возражает «тетечка Ирочка», и я вдруг замечаю, что они с Петровой очень похожи!

А еще по сощуренным глазам Петровой я понимаю: сейчас она со всеми тут передерется! Я этот взгляд хорошо знаю. Если Петрова так смотрит – добра не жди. Пару раз нам приходилось улепетывать из баров, куда Катрин имела обыкновение затаскивать упирающуюся меня по пятницам после зарплаты. Один раз она устроила там настоящее побоище с непочтительным идиотом, посмевающим хлопнуть ее на танцполе пониже спины, а в другой раз, чтобы другой непочтительный идиот не приставал к девушке за соседним столиком, запустила в него подставкой для салфеток. Оба раза, заметим вскользь, эта Афина Паллада была совершенно, абсолютно, хрустально трезва – мы даже коктейли не заказываем, потому что Петрова вечно за рулем, а я пью только молочные. Зачем в таком случае шастать по барам, спросите

вы меня. Спросите лучше Петрову, это ее идея.

В общем, я понимаю: щас тетечка Ирочка и остальные сильно рискуют огрести. После чего мы с Петровой рискуем огрести значительно сильнее.

– А что делать-то надо? – спрашиваю. И чувствую, что урчание Альбано становится прямо-таки одобрительным: молодец, мол, соображаешь!

– О, делать не надо почти ничего! – восклицает Виталина. – Велопрогулки, внимательное наблюдение окружающей действительности, исполнение желаний – сущая ерунда!

Мои глаза округляются:

– То есть как это?

– А что в этом такого сложного, я не понимаю? – удивляется Соломон Аркадьевич, – Вы что, на велосипеде ездить не умеете?

Вообще-то я имела в виду исполнение желаний, но на велосипеде ездить я действительно не умею. Удрученно киваю.

– Тоже мне проблема, – фыркает Сергеич. – сейчас научим! Аркадьич, иди доставай машину. Все во двор!

И мы все, включая Альбано, идем во двор.

– Ну, вот и ваш железный конь! – возвещает Сергеич. – Надеюсь, вы подружитесь!

Я выдавливаю из себя невнятный звук и косенько улыбаюсь. Конструкция, которую вывел из сарайчика Соломон Аркадьевич, конечно, отдаленно напоминает велосипед – но велосипед начала прошлого века. Огромное переднее коле-

со, маленькое заднее, причудливо изогнутая рама и руль, за который я никогда не научусь держаться. Даже если сумею когда-нибудь оседлать этого монстра.

Оглядываю присутствующих – ни тени сомнения в моих возможностях. Беспомощно смотрю на Петрову: спасай, мол.

– А что, – говорит коварная Петрова, – ничего себе лошадка. На такой даже я смогу.

И она решительно направляется к веломонстру. Соломон Аркадьевич пытается возражать – но возражать Катрин он слабоват, и вот она уже в седле. Я прямо чувствую, как по ее нестигаемой спине несутся туда-сюда стада мурашек (по моей тоже) – но на лице только отвага. И, если уж совсем честно, капля слабоумия. Кто бы в здравом уме согласился кататься на велике, если взбираться на него надо по лестнице (пусть это даже специальная маленькая изящная лесенка)?

– Ну, поехали, – и Петрова нажимает на педаль.

Ираида Антоновна успевает только выдохнуть: «Осторожнее!» – а Петрова уже летит. На землю. Приземляется, правда, в крепкие руки Сергеича, неизвестно как оказавшегося в нужный момент рядом. Но велосипедным рулем по башке все-таки немножко огребают. Совсем чуть-чуть, исключительно для острастки. Тут же подскакивает Соломон Аркадьевич, на удивление ловко приводит машину в исходное положение.

– Теперь вы попробуйте, деточка, – предлагает мне Вита-

лина. И все (кроме Петровой, которая трет ушибленное место и мрачно пялится в сторону ворот) смотрят на меня добрыми глазами. Петрова, значит, не смогла, а я, значит, давай. И потом каждый день вот так? Нет уж, увольте.

– Боюсь, я вынуждена отклонить ваше предложение... – начинаю осторожно.

– А вы не бойтесь – и все получится! Ну же, вперед!

Не успеваю опомниться, как Соломон Аркадьевич с монстром оказывается рядом. Алексей Сергеевич подает мне руку – и мне ничего не остается, как шагнуть на лесенку. Я почти не соображаю от страха – и не понимаю, как оказалась в седле.

– Только не волнуйтесь! – слышу голос Виталины. Нога сама собой нажимает на педаль. Огромное колесо начинает вращение. Готовлюсь падать – и вдруг понимаю, что еду! Ноги сами крутят педали, руль очень послушный и, если совсем честно, не так уж далеко, в случае чего, до земли лететь. А если повернуть? Ура, получается! А теперь чуть ускориться? Могу!

Делаю круг почета по двору под бурные аплодисменты и радостные возгласы зрителей. Вдруг машина вздрагивает и становится как будто тяжелее. Продолжая движение, осторожно оглядываюсь: в багажнике-корзинке позади седла уютно устроился Альбано. Поймал мой взгляд и мотнул башкой недовольно: на дороге, мол, смотри.

Да смотрю я, смотрю. До забора еще далеко, не волнуй-

тес, сударь.

Вот и второй круг позади. Ноги, надо сказать, подустали. Это, конечно, ерунда по сравнению с тем, что я, вместо того чтобы сто раз грохнуться оземь, еду. Хотя вообще никогда не умела. Один раз только, мне лет десять было, подружка дала велик на часок погонять, так я с него сто раз упала и с тех пор навеки оставила мысль на чем-нибудь кататься, кроме общественного транспорта. Благо, в нашем городе он имеется в количестве.

Удивление мое так велико, что я даже не замечаю, как наворачиваю еще пару кругов по двору. Ноги с непривычки становятся деревянные. Пора притормозить. А вот тормозить-то я и не умею! Что делать-то?

— Педаль назад! — долетает до меня чей-то голос. Послушно откручиваю педаль — и, как по команде, торможу. Рядом немедленно оказываются Сергеич и Аркадьич, фиксируют аппарат. Сергеич торжественно подает мне руку, и я, не очень понимая, как мне это удалось, спрыгиваю с велосипеда.

— Ну как?

Потрясенно молчу. Я из автобуса-то без травмы не всегда выхожу, а тут Как? И это лесенка где? Теперь я могу легко поставить ногу на педаль без всякой лесенки. И до руля дотягиваюсь самостоятельно. И колеса вместо старинного велосипедиста я, как выяснилось, каталась на удобном современном велике — только руль у него остался старинный, изящно

изогнутый, с удобными, до блеска отполированными деревянными ручками. Машинка будто подстроилась под меня. Чудо?

– Чудо, чудо, – улыбается Сергеич. – И далеко не последнее в вашей новой жизни.

– Видите, как легко, а вы переживали, – щеки Виталины, кажется, стали еще румянее, а улыбка еще шире, хотя куда уж. – Осталось всего-навсего научиться исполнять желания.

Глава 4

На обратном пути Петрова опять молчит. И гонит как ненормальная. Я сижу рядом и чувствую себя так, как будто только что парня у нее отбила. На заднем сидении подремывает Альбано. Пока я на испытательном сроке, он будет жить со мной и контролировать процесс обучения. Какого обучения – мне толком не объяснили, и я теряюсь в догадках. Может быть, конечно, кот умеет разговаривать – но пока он молчит. Зато в зеркало я вижу, как иногда, когда Петрова уж слишком вдавливают педаль газа в пол, зверь приоткрывает глаза и пристально смотрит на нее. Катрин слегка отпускает педаль – кот снова спит.

Я ужасно боюсь с ней ездить, когда она такая. Вообще, Петрова водит как заправский гонщик, и ни в одну аварию еще ни разу не попала. Но меня несущийся навстречу с бешеной скоростью мир пугает. Сижу рядом с ней, с ужасом гляжу в мелькающие встречные огни и от страха не спрашиваю себя даже, зачем я подписалась каждый день ездить на винтажном велике-трансформере и согласилась взять кота. А ведь у меня никогда даже хомячка не было! Да и Эмилия Макаровна, если узнает, со свету меня сживет. Ну, не то, чтобы прямо со свету, но с квартиры однозначно выгонит. Впрочем, она уже, считай, выгнала.

Солнце садится. Белый салон авто окрашивается в алые

тона. Петрова бьет по тормозам и паркуется недалеко от придорожной кафешки.

– Чортова кукла! – зло бросает она.

– Кать ну ты ж сама меня туда поволокла, я ж

– Ты-то тут причем? Я про Ираиду. Старая ведьма, прости господи. Прямо зла не хватает!

В зеркале загораются два зеленых огня – Альбано поднимает голову и сверлит взглядом затылок Петровой. Катрин откидывается на подголовник, смотрит в окно. В ее глазах вспыхивают отблески заката. Наконец, она поворачивается ко мне и грустно улыбается.

– А знаешь, наверное, это правильно.

– Да что правильно-то?

– Правильно, что они тебя взяли. Я бы это все не потянула.

Ну какая из меня фея?

– А из меня какая?

– Из тебя отличная получится. Только я Ирке все равно не прощу, что за нос меня водила. Ненавижу, когда меня в темную используют. Чародеи, блин!

Петрова, Железная Катрин, бизнес-икона нашего городка, верит, что весь этот балаган с приемом меня в дежурные феи – не шутка и не розыгрыш? Не может быть.

– Кать, – спрашиваю осторожно, – а ты уверена, что это все не прикол?

– Какой прикол! Ты думаешь, я бы тебя потащила в такую даль, если бы предварительно не встрясла с них нормаль-

ную зарплату? А раз Сергеич зарплату обещал, значит, работа настоящая. И делать ее придется как положено. Они тебе, кстати, объяснили, как чего? Инструкцию читать давали?

– Инструкцию не давали, но технологию объяснили. Там несложно. И еще сказали, три клиента в день. Не больше. Кать, а они вообще кто?

– Кто-кто. Ученые в пальто. Все раньше в нашем Нибениме работали.

– Нибениме?

– Ну НИИ биологии и экспериментальной медицины, они его сами так называют. Еще про Союзе тут построили, бывших начальников от науки ссылат на почетную пенсию. Ну и молодежь по распределению, а то кем командовать-то. Он закрылся, когда нас с тобой еще в планах не было. Сергеич в бизнес подался, и друганов своих всех к себе устроил.

– А ты их откуда знаешь?

– Ираида – тетка моя, – Катрин задумчиво смотрит в окно. За окном быстро сгущается темнота. – Мамина старшая сестра. Когда мои в Москву уехали, меня к ней сюда на все лето отправляли, воздухом дышать. А в девятом я совсем переехала. Не в Африку же с родителями тащиться. Чего я там не видела, в Африке этой. Ну, она меня и воспитывала. Книжки читать заставляла, сказки в основном и фантастику. Еще пересказывай потом! Я теперь всю эту художку вашу терпеть не могу, ты ж знаешь. Учила всякому. То в лес потащит, то шить-вязать заставит, то пироги печь.

– Ираида пироги печет? А так не скажешь.

– Да не печет она. Меня типа научить хотела. Возьмет книжку, пальцем тыкнет: действуй строго по рецепту. И стоит над душой, пока я мучаюсь.

– И как?

– Носом квак. Сдались мне пироги эти!

Это она из Петровой фею хотела сделать! – догадываюсь я. Петрова теперь, судя по всему, тоже догадывается. Детские воспоминания явно не доставили ей никакого удовольствия. Я сочувственно молчу.

– Когда я на экономический поступила, она вздыхала так, как будто я не в лучшем вузе столицы буду учиться, а в ПТУ каком заштатном. А потом и говорит: ну, может, оно и к лучшему. И ведь ни словом не обмолвилась!

– Но ты же сама говоришь, не хочешь феей быть

– Да я-то понятно, но ты прикинь, как круто было бы: родная тетка – настоящая фея!

– Так ведь она и теперь фея! – говорю.

– И что? – взрывается Петрова, – На кой мне это бесценное знание? У меня теперь фирма своя, я тремя языками владею! Я с налоговой ладить умею – без всякого волшебства! А вот когда мне было десять Да может, у меня вся жизнь пошла бы по-другому, скажи она мне тогда, что хочет из меня фею сделать! Ну да что теперь. Может, оно и правда к лучшему.

С минуту мы молчим.

– Знаешь, Кать, – осторожно говорю я, – может, мы их не

так поняли.

– В смысле?

– Может, это какой-то научный эксперимент, понимаешь? Ну, не знаю, вроде исследования, как будет чувствовать себя человек, который считает, что обладает приобретенной сверхспособностью. Или как влияют положительные предсказания на психику рандомных людей. Такое какое-нибудь. Мне, правда, толком ничего не объяснили. Но, может, это входит в условия эксперимента.

– Да кто их, чокнутых, знает, – фыркает Петрова. – Но вообще эти могут.

– Ну вот, видишь. А пироги и сказки, может, просто в рамках образовательной программы были – все-таки тетка твоя доктор наук, у нее свои представления о воспитании.

– Вот только не надо меня утешать! Я не расстроена! – рычит Петрова. – И имей в виду, если они тебе вовремя платить не будут, я их ученые головы нафиг поотрываю, не погляжу на возраст. Кстати, вы зарплату обсудили?

Мотаю головой. Какая зарплата, когда такое!

– На работу нанялась, про зарплату не спросила. Горе мое, ну как так можно? Убью однажды!

Петрова всегда так. Орет, рычит, а потом включает фею-крестную. С самого нашего знакомства, когда она, для начала, спасла мне жизнь.

Глава 5

Встретились мы на мосту. Точнее, я стояла на парапете и никак не решалась шагнуть вниз. Не уверена была, что это поможет мне сразу умереть. С моим счастьем я б чего-нибудь сломала, а потом

Но никакого «потом» не было. С парапета меня стащило нежное существо в белой пушистой шубке. Существо сначала как следует на меня наорало, а потом отвезло в уютную квартирку в Заречном районе – метров сто квадратных, не меньше. Там меня долго пичкали разнообразной едой, потом поили коньяком (насильно!), потом потребовали объяснений, какого черта я делала на парапете.

И я, рыдая рассказывала моей спасительнице, Катрин Петровой, как сегодня вернулась из больницы, где мне сказали, что мамы больше нет, и надо решать вопрос похорон. И что только что меня выкинули на улицу в буквальном смысле. И что мне негде и не на что больше жить.

Потому что жила и работала я в нашей единственной частной галерее. Ее хозяин, Резников, здорово мне помог. Мне срочно нужны были деньги – пришлось продать нашу с мамой квартиру. Резников купил ее, а заодно и всю нашу мебель: старинные шкаф, комод, два кресла и мой любимый резной буфет. По буфету я до сих пор скучаю: на его дверцах жили два моих приятеля-ангелочка, с которыми мы переми-

живались во время «тихого часа», когда мама велела спать, а мне не хотелось.

Я все рассчитала: денег от продажи квартиры должно было хватить на операцию и восстановительный период, а потом, к маминой выписке, снимем другую – на остаток. Плюс я подкоплю, пока мама в больнице, с моим дипломом и практикой меня с руками оторвут!

Но мой французский тут не пригодился – туризм в Городе еще не очень развит, по бизнесу французы тоже к нам не шастают гурьбой, как говаривал классик. Да и денег после операции почти не осталось, только на лекарства. В общем, выяснилось, что считаю я не очень.

Узнав о бедственном моем положении, Резников предложил мне работу консультанта в галерее и разрешил ночевать на складе, пока не сниму другую квартиру. Склад был тесный, и весь заставлен картинами и скульптурами. Но раскладушка, два чемодана и я отлично там помещались. Зато часть зарплаты можно было не тратить на съемное жилье, а откладывать на будущее.

В тот день я задержалась на работе, и в больницу влетела, запыхавшись. По дороге думала: сегодня все решится. Накануне маме стало лучше, она даже улыбнулась и чуть шевельнула рукой. Я решила: если сегодня хоть словечко скажет – начну искать квартиру. И новую работу с нормальной зарплатой.

А в больнице сказали, что она умерла. Не дождалась меня всего полчаса

В галерею вернулась еле живая. И никак не думала застать там Резникова. Но он там был. Разговаривал с кем-то по телефону. Увидев меня, переполошился, спросил, что случилось. Тут я и разрыдалась. Резников забежал вокруг, усадил меня в кресло, налил рюмку какой-то гадости, сказал: надо! – и велел выпить. Потом снова стал расспрашивать. Я только и сумела сказать: мамы больше нет. И такая пустота вдруг накатила

Дальше не помню. Очнулась, только когда поняла, что кто-то меня раздевает. Открыв глаза, поняла, что сижу на диване в кабинете Резникова, а сам он, вдрызг пьяный, расстегивает мою блузку и пыхтит прямо в ухо, что он мне теперь вместо матери, а заодно вместо отца. Еле вырвалась, выскочила на улицу. Вслед полетели чемоданы, раскладушка и обещание, что меня в этом городе больше вообще никто на работу не возьмет...

Моя спасительница слушала все это, переменяя сочувственные вздохи яростными ругательствами. И только когда язык мой стал заплетаться, спохватилась, отвела в спальню и велела как следует выспаться.

А утром в галерею ворвался ураган Катрин. Неистовая Петрова, волоча меня за руку, прижала моего обидчика к стенке и пообещала, что ее знакомые блогеры организуют

спекулянту искусством такую пиар-компанию, что ни один порядочный человек в его сарай носа не сунет. Резников извинялся, умолял не поднимать скандала, обещал загладить свою вину всеми доступными средствами. Петрова требовала с него приличную сумму отступных, заставила на коленях просить у меня прощения, и пригрозила, что если с моей головы хоть волосок упадет, галерейщик лишится собственной. Он поверил безоговорочно. Еще бы, Катрин в городе знали все. Кроме, разумеется, меня. Но это потому, что я не читаю бизнес-прессу.

Потом она помогла мне с похоронами. Точнее, как-то устроила все сама – потому что я в те дни могла только молчать, смотреть в одну точку и идти куда скажут. Если, конечно, меня поведут за руку.

Когда все наконец закончилось, Катька взяла нам два билета в Питер. Там она до полного изнеможения таскала меня по улицам и музеям, закармливала пирожными и трещала без умолку, пока я снова не научилась улыбаться.

Иногда я думаю, зачем прекрасной Катрин недоразумение вроде меня? Чего она обо мне так заботится? Но спрашивать себе дороже: сначала наорет, потом задушит в объятиях. Так что я просто благодарно принимаю этот дар судьбы и стараюсь лишний раз не посвящать ее в свои проблемы.

Петрова возвращается с пакетом еды. Для меня – кофе и мороженое. Сама она предпочитает бургеры. Мы часто так

ужинаем, когда встречаемся, только я бы предпочла сама платить за свой кофе. И за мороженое тоже. Но меня никто не спрашивает.

Ох, нас же тут трое. Поворачиваюсь, чтобы предложить угощение Альбано – все-таки он мой куратор. Но кот так уютно свернулся на заднем сидении, что беспокоить его как-то неловко.

– Ладно, поехали. У тебя завтра первый рабочий день, да и у меня дел по горло.

Тут я вспоминаю про Петечку и меняюсь в лице.

– Да не парься ты, прорвемся!

На меня смотрит прежняя, жизнерадостная как танк и уверенная в себе как звездное небо над головой, родненькая моя Петрова.

Ревет мотор, и спустя полчаса я уже стою возле подъезда с велосипедом в одной руке и специальной лежанкой для кота в другой. Сам Альбано стоит рядом и вопросительно смотрит на меня. Судорожно соображаю, как бы открыть дверь – руки-то заняты. Альбано издает досадливый мявк – и дверь открывается сама собой. Точно, я ж теперь фея! Должна такие штуки уметь проделывать силой мысли. Но я пока не умею. И вряд ли научусь.

Катрин

Нет, все-таки Анька вольтанутая. Ну как так – не спросить, сколько платят и когда аванс? Сколько ее знаю, всегда такая была. Умница, красавица, иняз закончила – нет, си-

дит в какой-то шарашкиной конторе секретаршей. Ну ладно, мама болела, она с ней носилась. Но потом-то? Ведь в большое издательство звали, в штат! Ну и что, что давно? Напиши, напомни о себе! Нет, уперлась – и ни в какую.

Но сегодня хорошо получилось. Во-первых, Старшие народ надежный. И тетя Ира, хоть и тиранила меня в детстве пирогами и Стругацкими, все-таки не злая. И если даже правда, что она из меня фею сделать хотела, так она и делала. Не ее вина, что не вышло – каждому свое. Зато она со Старшими меня познакомила. А это, можно сказать, счастливый билет. Это ведь Сергеич мой бизнес на ноги ставил. А если б не Соломон, я б в жизни на экономический не поступила. Да и Виталина тоже крутая – сколько слез я ей в жилетку пролила, когда мне Сладков изменил! Без нее так и нюнилась бы до сих пор. А она мне тогда твердила: все к лучшему! Я не верила, конечно.

А теперь верю: встретила его недавно в супермаркете – без слез не взглянешь. И понты до неба. Магазин у нас дорогий – элитный район все-таки. А этот зашел, огляделся – и давай по полкам скидки выискивать. Зайди через квартал в нормальный магазин, возьми все то же самое без наценки! Но это ж Сладков. Как был понторезом, так и остался. Права была Виталина, все к лучшему.

В общем, Старшие крутые, конечно. Но чтобы прям волшебники? Не смешите мои тапки. Ну какая Ираида, к примеру, фея? И Сергеич тоже. Бизнесмен отличный, в дизай-

не понимает, потрындеть с ним интересно, а волшебство? Ерунда какая-то. Права Анька, эксперимент, поди, затеяли. Психологический. Или Елки, так это ж я их просила с работой хорошему человеку помочь! Просто так ведь Аньку не зацепишь – совершенно не умеет помощь принимать, вечно ее к светлому будущему на веревке тащить надо. А они ее раз-раз Сергейч придумал, не иначе. Он же у них главный выдумщик. Даже я повелась! Надо спросить при случае, где они машинку такую винтажную откопали. И главное – откуда кот? Натурально ведь волшебный! По крайней мере, чересчур сообразительный. Что-то я его раньше там не видела.

Глава 6

Вообще-то я не очень люблю вставать. Особенно рано. Но сегодня прямо-таки подбросило – шести не было, когда вскочила.

Попробуй не вскочи, если ты мирно спишь в своей постели, и вдруг с тебя сползает одеяло, горла касается стальное лезвие, а вскочив, ты понимаешь, что, пока спала, в доме завелся огромный белый кот. И теперь деликатно интересуется, трогая тебя когтистой лапой, намерена ли ты его покормить. Уставившись на зверюгу, я минут пять приходила в себя и наконец вынуждена была признать: вот это все, что мне якобы приснилось – дача, Старшие и должность дежурной феи – было наяву. И кот тоже моя новая реальность. Что ж, свои плюсы в этом есть. Больше не буду опаздывать на работу.

Черт, работа! Конечно, мне не обязательно ее бросать. Но руководство у нас строгое и не любит, когда сотрудники уходят вовремя – это ведь означает, что они не любят свою работу! А те, кто не любит свою работу, не достоин трудиться в нашей невероятно прекрасной конторе за невероятно прекрасную зарплату. Других достоинств у этой зарплаты, правда, нет – они в нее просто не вмещаются, слишком маленькая. Поэтому текучка у нас сумасшедшая – не реже раза в месяц кто-нибудь увольняется. Даже странно, как директор

терпит Витьку, которого все время нет на работе.

Ладно, была не была, как-нибудь обойдется. Для начала буду кататься на велике до работы и обратно, и еще полчасика в перерыв, дальше как пойдет. Тем более, спать по утрам, как я понимаю, мне больше не светит.

Выползаю на кухню. Кот уже сидит на стуле за столом. Киваю ему, он шурится в ответ. Ощущения странные – как будто у меня гости. Впрочем, так и есть – Альбано хоть и кот, но он же не просто кот. Его далекий предок, поди, в Лукоморье по цепи кругом ходил. Может, конечно, и нет, но кто его знает.

Чем же его угостить? Чем вообще полагается кормить современных котов? Рыбой? Молоком? Или достаточно тех сухариков в яркой упаковке, что лежат в любом супермаркете? Насчет сухариков сильно сомневаюсь – все-таки Альбано не простой дворовый Васька.

Вчера мы так и не поужинали – как только я пристроила кресло-лежанку, кот моментально туда забрался и уснул. Может, устал, а может, из чистой деликатности – с него бы случилось. Да и я вчера не заморачивалась, тоже завалилась в кровать – и все. Но сегодня-то надо соответствовать!

Лезу в холодильник – как и предполагалось, пусто. Зато в морозилке завалялся брикет пломбира.

– Будешь? – показываю его коту. Кот вопросительно смотрит: мол, что это? – Это мороженое. Там сливки в составе.

Кот презрительно шурится

– Ну, как хочешь. Больше все равно ничего нет, а по магазинам пойдем только вечером. Может, все-таки попробуешь?

Кот молчит, и я делю брикет пополам: половину мне, половину ему. Вообще, мне ужасно неловко говорить Альбано «ты». Но разговаривать на «вы» с котом – это даже для меня перебор.

Вот и кофе готов. К этому моменту мороженое слегка подтаяло, как раз, как я люблю. Завтракаю, гляжу в окно, за которым еще темно, и вдруг понимаю: погода сегодня будет прекрасная! И вообще прекрасный день! Витька сегодня приезжает из командировки, зайдет к шефу с отчетом, увидимся, парой слов перекинемся. Может, он даже кофе попросит. Я знаю, какой он любит: три сахара, полчашки сливок. Мой фирменный рецепт. Витька говорит, что так, как я, кофе больше никто не умеет. Жаль, что это единственное мое достоинство, которое он замечает. Впрочем, может, оно и к лучшему. Не хочу проверять, так ли он хорош, как я его себе придумала.

Потихоньку ем мороженое, прихлебываю кофе, перебираю свои сокровища. Вот Витька ковыряется в моем рабочем компе, и лицо его бесстрастно, будто он даже не догадывается, что я нарочно зашла на этот дурацкий сайт с вирусом. Вот он пьет кофе, который я ему приготовила и улыбается: «Лучший кофе на дороге!» – «Отхлебнешь – протянешь ноги!» – подхватываю я, и мы вместе смеемся. Вот он кладет

мне на стол шоколадку —она хранится в моем столе до сих пор.

Собственно, я и в контору нашу устроилась из-за Витьки. Хотя Петрова, когда узнала, что я дипломированный переводчик, решила, что работать я буду у нее. У Петровой турфирма и мечта: возить в наш город иностранных туристов. Пока это проект, но она активно над ним работает. А я ей помогаю — готовлю всякие материалы для буклетов. Потому что работать на нее полноценно пока не могу.

Витька приснился мне накануне отъезда из Питера. Я проснулась тогда и сразу полезла в соцсети — посмотреть, какой он теперь. Пять лет не разрешала себе! А тут думаю: другая жизнь начинается, напоследок гляну. Глянула. Все такой же. Системный администратор компании «Мир вообще всего».

И тут в почту письмо падает с сайта, где висит мое резюме: «Мир вообще всего» ищет офис-менеджера. Ну знак же!

Петрова орала и бегала по потолку: зачем, зачем я устроилась в какую-то идиотскую контору, где мой французский нафиг никому не сдался? Я молчала и улыбалась: завтра я пойду в эту идиотскую контору, и навстречу мне выйдет Витька, и...

Ничего такого, конечно, не случилось. Когда я в назначенное время явилась на собеседование, навстречу мне вышел охранник, велел пройти в приемную, а там девушка в крас-

ном брючном костюме дала заполнить анкету, потом проводила в кабинет директора.

– Вот, – сказала девушка в красном, – Анна теперь будет вместо меня.

Круглый директор, похожий на злобного Винни-Пуха, оторвался от ноутбука, где, судя по звукам, мочил зомби из пулемета. Посмотрел подозрительно. Спросил у той, что меня привела:

– Зарплату озвучила?

Девушка в красном кивнула. Директор перевел взгляд на меня:

– Устраивает?

Я тоже кивнула.

– Оформляй, – буркнул директор и погрузился в игру.

Так я получила свою новую работу. И да, теперь иногда вижу Витьку. Правда, редко.

Первый раз он появился в приемной спустя неделю после того, как я там обосновалась. Спросил равнодушно, где Оля. Узнав, что Оля уволилась, и я теперь вместо нее, мигом преобразился: засиял улыбкой, спросил, как меня зовут, положил на стол папку и сказал таким особенным проникновенным голосом, глядя мне прямо в глаза:

– Тут отчет по командировке, ты проверь, пожалуйста, все ли в порядке по финансам, чеки там, расходы А то у нас Антонина знаешь, какая? Сожрет, если где чека не хватит. А я в долгу не останусь.

В долгу! Да одним своим появлением он сделал для меня столько, что мне самой век не расплатиться! Но вслух же этого не скажешь. Поэтому просто уставилась на него, стараясь скрыть неуместный восторг, полыхала ушами и кивала вместо того, чтобы хоть что-то ответить. Стыдобушка! Хорошо хоть, озадачив меня проверкой отчета, он тут же исчез.

Весь обеденный перерыв я сверяла чеки с суммами в отчете. И потом до вечера ждала, что Витька за этим отчетом зайдет. Но он не зашел. Пришлось спрашивать у охранника, где его найти. И тут выяснилось, что найти его нельзя, он сам приходит, потому что на удаленке.

Зато теперь у меня был Витькин номер, и я могла позвонить ему в любое время. Но честно ждала два дня, может быть, он все-таки зайдет, ведь отчет-то сдавать надо. Нет, не зашел. Пришлось звонить. Заикаясь, интересоваться, что делать с поправленным отчетом. А потом перепечатывать его, подделывать Витькину подпись, нести Антонине и выслушивать все, что она думает про Витьку, а заодно и про бестолковых новеньких, которые лезут куда их не просят.

В следующий раз Витька явился после следующей командировки. Видеться мы, конечно, стали чаще – но только потому, что раньше не виделись вовсе.

Впрочем Есть в моей коллекции моментов и настоящий бриллиант: последний наш новогодний корпоратив. Витька тогда пригласил меня на танец, и я целых три минуты была

абсолютно счастлива. Бриллиант этот, правда, с досадным сколом: спустя два часа мой принц у меня на глазах сядет в такси, не прекращая целоваться с Кристиной из отдела продаж.

Что ж, я всегда знала, что мечтать о нем можно сколько угодно, а женится он все равно на другой. Где я – и где Витка, нордический блондин с глазами цвета бледного северного неба и презрительной улыбкой древнего божества. У Кристины, может быть, с мозгами не очень, зато фигура «песочные часы», платиновая грива и пухлые губы. Идеальная девушка для идеального мужчины. Не то, что длинная, вечно лохматая я. Ну не укладываются мои волосы в нормальную прическу!

Ну и пофигу. У меня теперь вон, Альбано. Пломбир додает. Усы облизывает. Красавец мужчина! Чего мне еще.

Альбано, меж тем, спрыгивает с табуретки и направляется к двери туалета. Ему же лоток нужен! А какой? А сыпать туда что? Котов-то у меня никогда не было! Вчера не сообразила спросить, а самого Альбано как спросишь? Неловкая может выйти ситуация

Из туалета, меж тем, раздается звук спускаемой воды. Вытаращив глаза, наблюдаю выходящего оттуда невозмутимого кота. Кот смотрит на меня как на идиотку, коротко мявкает и идет к входной двери: не тяни, мол, на работу пора.

И правда, пора: уже половина восьмого. К девяти надо быть в офисе. А добираться-то теперь на велосипеде, не

меньше часа! Раз уж так все сложилось.

Глава 7

Небо только начинает светлеть, когда я выволакиваю из подъезда Эжена – так я теперь я буду называть своего железного коня, нельзя ж ему без имени. Вообще-то он очень хорош: рама канареечного цвета, кожаное мягкое седло, изящно изогнутый руль с причудливыми, но весьма удобными деревянными ручками, плетеная корзина цвета спелой соломы на широком багажнике. В корзину Альбано велел постелить мой любимый клетчатый плед, который лично приволок в прихожую в зубах. Признаться, я не сразу сообразила, что с ним надо делать, и тогда кот прыгнул с пледом прямо в корзину и попытался постелить его сам.

Усаживаюсь в седло, нажимаю на педаль – и чувствую знакомый толчок: Альбано занял свое место у меня за спиной. Только сейчас до меня вдруг доходит: как я с котом на работе-то появлюсь? На работу с котом никак нельзя. С другой стороны, это ж не бессмысленный котенок. Это, на минуточку, наставник мой. Вот пусть сам и решит проблему. А я буду ехать по осенним улицам и наслаждаться свежим воздухом и физической нагрузкой.

Первая половина пути проходит идеально – улицы пусты, асфальт сухой, красота! В просветы между домами показывается нежно-розовая заря, припудренная легкими облачками – поди скажи, что на дворе ноябрь! В общем, я даже как-

то расслабилась – кручу себе педали, ни о чем не думаю. И тут – бац! Дворник.

Казалось бы, ну дворник и дворник. Маленький азиатский дядька с метлой в руках. Вышел из подсобки в торце дома, идет себе по своим дворничьим делам нам навстречу. Но как только он оказывается рядом с нами, Альбано вдруг выпрыгивает из корзинки, а Эжен сам собой резко тормозит – так, что я чуть не вылетаю из седла.

– С ума посходили? – ору я и заваливаюсь вбок, представляя, как мы сейчас все вместе, включая дворника, грянемся оземь. Но дядька ловко подхватывает меня, помогает восстановить равновесие – и вот мы с Эженом снова гармоничная пара, никто из нас не падает.

– Спасибо, – говорю я.

Дворник вежливо улыбается и идет дальше. Улыбка у него грустная. Снизу раздается раздраженный мявк. Альбано смотрит на меня так, будто не по его милости я с Эжена свалилась, а исключительно по собственному слабоумию. Кивает на дворника: смотри, мол, внимательнее. Я смотрю. И слышу – сначала неразборчивое бормотание, слова чужого языка, а потом возникает картинка: жаркая, пыльная улица, старый двор, дети возятся в тени неизвестного мне дерева с тонкими острыми листочками. Вдруг один из мальчишек оглядывается, радостно вскрикивает и несется прямо ко мне!

Прерывается видение так же резко, как началось – двор-

ник уже машет метлой где-то у дальнего подъезда, на таком расстоянии, наверное, сигнал не ловится. Но мне уже понятно: вот мой первый клиент.

Странно, конечно, я думала, будет влюбленная девушка или, на крайний случай, непризнанный гений, а оно вон как – просто дворник соскучился по дому и сыну.

Интересно, откуда я это знаю? Ну, если это не волшебство, а просто психологический эксперимент, то как я увидела то, что увидела? Но поразмыслить над этим мне не дают. Альбано лупасит меня лапой по ноге и смотрит сурово: не рассуждать, мол, работай давай!

Вспоминаю инструкции: чтобы желание сбылось, надо что? Что-то подарить клиенту и сказать волшебные слова. Слова я помню. А подарить-то что? Судорожно роюсь в рюкзаке. Деньги нельзя. Помаду дарить странно, ручку опять забыла, блокнот весь исписан, и зачем ему чужой исписанный блокнот? Паспорт, карта, проездной Можно, конечно, проездной, он мне теперь ни к чему, но все равно очень странно. Так. А это что? В самом уголке рюкзака, там, где отошла подкладка, нащупываю маленький брелок-солнышко. Это же тот самый, что подарил мне Витька сто лет назад, еще когда мы в школе вместе учились! Ну как, вместе. Я в восьмом, а он в десятом.

Ну как его отдать чужому человеку?

Может, все-таки проездной?

Сталкиваюсь взглядом с Альбано. Не прокатит проезд-

ной. Последний раз гляжу на солнышко, провожу пальцем по ребристой поверхности – запомнить. С другой стороны, жила ж я как-то без него, думала, что его давно нет – и ничего. То, что оно нашлось, конечно, чудо. Но работа есть работа, тем более, такая, как эта. Кто его знает, что будет, если я сейчас не сделаю того, что должна. Может быть, это нарушит условия эксперимента.

Всей компанией подходим к дворнику, который размеренно машет метлой, не обращая на нас совершенно никакого внимания.

– Спасибо, – повторяю снова. Он оборачивается. Явно успел забыть меня. Что ж, не он один. Я протягиваю ему брелок: – Это вам.

Дворник отрицательно машет головой: обойдусь, мол, без ваших подарков. Тогда я беру его за руку, вкладываю солнышко в заскорузлую ладонь.

– Ваше желание обязательно сбудется, – говорю я и улыбаюсь. Дворник молчит. Ладонь сжимается, солнышко исчезает в ней. Подарок принят, дело сделано. Можно ехать. Встаю в седло. Дворник машинально поддерживает меня под локоть, уронив при этом метлу. – Сыну привет! – говорю я. И вдруг замечаю: он не сильно старше Витьки!

Трогаюсь. Альбано прыгает в корзинку и одобрительно похлопывает меня лапой по спине: с почином, мол, молодец, мол, справилась. На сегодня осталось два желания исполнить – совсем немного.

Мы едем дальше, а я все никак не могу перестать удивляться: откуда выпал этот брелок? Ведь давно потерялся, а тут здрасьте-пожалуйста!

Брелок был не простой – моя самая драгоценная драгоценность, единственная вещь, подаренная мне Витькой. Я тогда в седьмом классе училась. В библиотеку шла, физику прогуливала. Вдруг слышу: «Девочка, иди сюда!». Обернулась – и обомлела: на меня смотрел льдистыми глазами высокий, светловолосый, прекрасный как эльфийский король старшеклассник. Рядом с ним – такая же прекрасная белокурая старшеклассница, только лицо у нее красное и злое. И оба смотрят на меня! Сначала не поверила, но он позвал еще раз, и, когда я подошла, вручил мне этот брелок: «На, дарю!» Я, как под гипнозом, беру, вежливо говорю: «Спасибо!», а он наклоняется и целует меня в щеку! Старшеклассница краснеет еще сильнее, из глаз ее брызжут слезы, рука взлетает вверх – и вот уже на щеке эльфийского принца пылает красный отпечаток ее ладони. «Дура!» – орет он, но она уже идет по коридору, прямая, злая и красивая. Принц уходит в другую сторону, потирая щеку, а я стою с солнышком в руке, совершенно огорошенная, смотрю ему вслед и чувствую, что жизнь моя изменилась раз и навсегда.

Витьку, конечно, спросила про это – не помнит! Ни меня, ни девицу, ни солнышко. Может, впрочем, врет, кто его знает. С другой стороны, мало ли у него девиц этих было.

Когда я Катрин про этот случай рассказала, она спросила,

в какой школе я училась, а потом хохотала как сумасшедшая. Потому что белокурая девица – это она и была! И именно она подарила Витьке это солнышко в знак вечной любви. А он

Но Катрин ни о чем не жалеет. Наоборот, говорит, что этот случай многому ее научил. Поссорились они тогда, потому что Витька повел другую девчонку в ресторан. А ее каждый раз на фудкорт водил! Нет, с милым рай и на фудкорте, дело не в этом. Но он, во-первых, ресторан ей ни разу не предлагал, а во-вторых, эту курицу домой провожал, и кто-то видел, как они целовались в подъезде. И не потому, что Витькой овладела внезапная страсть (на следующий день он как ни в чем не бывало явился к Петровой, которая еще ни о чем не догадывалась), а потому, что у нее папа ректор нашего политехнического, а Витька намылился туда поступать. И, кстати, поступил.

В общем, после ссоры с Витькой у Катрин сильно повысились требования к мужчинам, и она больше никому из них не позволяет водить себя на фудкорт, хотя обожает бургеры. Только дорогие рестораны! И при первой оплошности от ворот поворот. А про Витьку она знать больше не желает, потому что человек не меняется, если был подонок, так им и останется.

Я не верю, конечно, что Витька в юные годы был настолько меркантилен. И в то, что человек не меняется, не верю. Но на всякий случай не объясняю Петровой, по какой причине я работаю в фирме с идиотским названием «Мир вооб-

Ще всего».

Глава 8

Контора наша не зря так называется – мы торгуем всякой всячиной: от батареек до пластиковых табуреток. Хозтовары, в общем. Коллектив небольшой – мы с директором, главбух, отдел продаж, приходящий юрист, сисадмин и охранник дядя Вася. Еще склад, но они в другом здании, и я там никого, кроме заведующего Виктора Николаевича, не знаю.

Главный человек в конторе ни разу не директор, а главбух Антонина Михайловна. Поначалу мне казалось, что она прямо тут, на работе, и живет. Приходишь – она уже на месте. Уходишь – все еще сидит. Единственный день, когда Антонина уходит вовремя – четверг. Говорят, что по четвергам у нее занятия в театральной студии. Но лично я не представляю, что она с таким зверским лицом может там играть. Бабу-Ягу разве.

Из особых примет у Антонины метр девяносто росту и аллергия, приступы которой возникают совершенно спонтанно. Стоит зайти в бухгалтерию чужому человеку – а своих у нее, почитай, и нет – как она тут же начинает оглушительно чихать. На «будьте здоровы» реагирует неизменно, исполненным достоинства и доброжелательности тоном: «Спасибо, сами не сдохните!». При этом ее совершенно не волнует статус и намерения доброго человека, опрометчиво пожелавшего ей здоровья. Она и директору такое может сказать –

и совершенно, к слову, безнаказанно: запутанную нашу бухгалтерию он никогда никому другому не поручит, Антонина для него человек совершенно незаменимый.

Не то что я.

Впрочем, что жаловаться. Периодически, конечно, мне влетает – то документы перепутала, то важный звонок пропустила, да мало ли. Но это почти никогда не имеет последствий – проорется шеф, и иди дальше работай. А сегодня и вовсе благодать – тишина будет до обеда. Сиди, разбирай бумажки, отвечай на звонки, да хоть драконьи яйца высиживай в игрушке, если нет подработки и не хочется читать.

Сегодня как раз такой день. Вот я и высиживаю. Собираю себе дракончика – такого симпатичного, зеленого. Как-никак, я теперь фея, хоть и по должности, а не по сути. Почти принцесса, ха-ха-ха. А принцессе полагается дракон. Хотя бы виртуальный. Интересно, кстати, а в иерархии альтернативных вселенных кто выше стоит – фея или принцесса? Принцесса, вроде как, на вершине власти. Зато у феи больше полезных навыков и гаджетов.

Под столом дрыхнет Альбано. Мимо поста охраны кот проскользнул, пока я заговаривала дяде Васе зубы, ну а тут, в приемной, тишь-гладь, спи сколько хочешь. Он и спит.

Ему не мешают бесконечные телефонные звонки и мои долгие разговоры с бестолковыми клиентами, которые никак не могут сообразить, где у нас склад.

В очередной раз кладу трубку и вздрагиваю: надо мной

грозым утесом нависает Антонина: скалистые локти, изломанные гневом брови.

– Это что такое, я спрашиваю? – рывкает она.

Я молчу. Что я должна ей сказать? Что не видела, как кот пробрался в офис? Но вон там, возле кулера, на полу стоит чашка с водой, с головой выдающая мою осведомленность и даже благосклонность к несанкционированному посетителю. С другой стороны, врать-то и нельзя, вдруг Альбано обидится

Пока я судорожно ищу решение, Антонина снова открывает ярко накрашенный рот и рычит:

– Я сколько раз просила покупать мне приличный кофе, а не эту гадость! Разве трудно запомнить, что я не пью этот плебейский Мокей?

Фух, не засекала, мысленно оттираю пот со лба. Ну да, не было ее любимого сорта, и вообще домой хотелось в восемь вечера, вот я и схватила со стеллажа первую попавшуюся пачку. Но сейчас это не важно. Важно как можно скорее сплавить Антонину, пока она не заметила Альбано.

– Антонина Михайловна, я сегодня сбегаю в обед, куплю другой. Вчера правда не было, извините.

– В следующий раз, Анна, когда я премию вам считать буду, я нарочно дряни этой выпью, и не жалуйтесь потом! – Антонина распрямляется и надменно глядит на меня с высоты своих двух метров. – Я вам не девочка на побегушках, от качества моей работы зависит успех нашей компании! А

качество моей работы зависит от качества кофе на кухне!

Вот что б ей стоило позвонить мне и попросить сделать кофе! Я б сделала – она б и не заметила ничего. Нет, во все надо свой длинный нос лично сунуть!

– Я не нагружаю вас, Анна, лишней работой, – от главбухши прямо-таки веет холодом! – Я просто прошу вашу работу делать аккуратно, что в этом сложного? В пятницу вы перепутали накладные, – (Не в пятницу, а месяц назад, но кого волнует), – В понедельник опоздали на работу! – (Это уж и вовсе не ее дело, но я молчу, у меня Альбано под столом). – И вообще – Антонина багровеет от гнева, раздувает ноздри и, кажется, взорвется, если немедленно не припомнит мне какого-нибудь эпического косяка с печальными последствиями. – И вообще, ПОЧЕМУ ЗДЕСЬ КОТ?

Все-таки засекла. Но как?

А вот как. Этот олух выбрался из укрытия и красуется теперь в самом центре приемной. Хвост распушил, усы расправил. Прекрасен, конечно, нечеловечески, но с Антониной-то как быть? Она нас обоих сейчас на куски разорвет!

Пока я пытаюсь сообразить, что соврать, Альбано медленно подходит к Антонине, смотрит ей в глаза и говорит:

– Мурррр!

Антонина столбенеет на секунду, брови ее высоко поднимаются, рот открывается. Я зажмуриваюсь в ожидании вопля, но вместо вопля слышу слаборазличимые причитания, на фоне которых четко звучит: «Офелия, иди в монастырь!»

На мгновение меня захлестывает чужое отчаяние: никогда, никогда я, кобыла двухметровая, старая дева с отвратительным характером, у которой ни фиалки, ни коты не приживаются, что уж говорить о мужчинах, не сыграю Офелию! А ведь таланта у меня побольше, чем у этой молоденькой выскочки, которая спит с режиссером! Меня-то он даже не замечает, хотя как меня можно не заметить! Бедная я, бедная! Апчхи!

Открываю глаза. Антонины нет. Ну, то есть она есть. Сидит на корточках, гладит Альбано, что-то ему нашептывает и даже, кажется, всхлипывает! Кот поднимает на меня глаза: давай, мол, не тупи! Действуй!

Антонина? Мой второй клиент – наша сварливая бухгалтерша? Вот это да! Альбано издает короткий звук, в котором я слышу: «Давай бегом, сколько мне еще терпеть!» – а Антонина: «Женщина, плохо стараешься». После чего она начинает гладить его с удвоенным рвением, а я судорожно выдергиваю из карандашницы веер, привезенный мне в подарок из отпуска кем-то из коллег. Хватаю, присаживаюсь напротив Антонины, протягиваю ей веер.

– У меня уже есть такой, – машинально отвечает Антонина, тем не менее подарок берет.

– Ваше желание обязательно сбудется! – говорю, глядя ей прямо в глаза.

Она кивает, мы обе поднимаемся. Антонина раскрывает веер. На нем – замок.

– Эльсинор, – шмыгает она носом.

– Хотите, я вам кофе сварю? – спрашиваю. Мне и вправду хочется сварить ей кофе, вкусный-превкусный, чтоб ей не было больше грустно.

– Спасибо, я сама, – Антонина вздыхает печально и уходит к себе.

Альбано смотрит ей вслед, потом на меня. Качает укоризненно головой. Ну а что я-то? Откуда мне знать, что эта грымза Антонина тоже имеет право на исполнение желания? Впрочем, может, она вовсе и не грымза.

Нет, все-таки грымза. Еще до обеда она устроила разнос дяде Васе – спасибо, хоть не за то, что проморгал вторжение кота. А потом позвонил директор, и я слышала, прибираясь на кухне, как Антонина язвила его стрелами сарказма минут пятнадцать, а потом бросила трубку. Странно все-таки, чтоб шеф позволял так с собой обращаться. Какая-то страшная тайна сокрыта за этим долготерпением!

На обед я так и не выбралась – за пятнадцать минут до начала перерыва позвонил Коляныч и попросил клиенту накладную оформить. Ну конечно, кто, если не я.

Вообще-то у нас есть сайт, где нужный товар можно набрать самостоятельно, но некоторые отдельные клиенты предпочитают живое общение. Поэтому у них сайт никогда не открывается. А я Колянычу отказывать не умею – у него две работы и трое детей. Вот и слушала как дура весь пере-

рыв: «Положите вон то. Нет, вон то не надо, вот это положите. И еще вот это, а то, что прежде, уберите, барахло. Да у вас тут все барахло. Вон того, главное, не забудьте, а то в прошлый раз забыли».

Голос на том конце трубки скрипел, пыхтел, нудел, иногда кашлял и вообще был ужасно противный. Клиент то возмущался, какие безответственные балбесы у нас работают, то вздыхал, когда ж наконец Коляныч вернется из командировки и заказы станут принимать по-человечески, в офисе у клиента.

Когда я положила трубку, уши у меня были красные, голос почти пропал, а внутри все кипело и булькало.

– Нет, ты слышал? – возмущенно спросила я, заглянув под стол.

Альбано посмотрел на меня одним глазом, пожал плечом: тебе ж, мол, сразу сказали, увольняйся! – и свернулся клубком, прикрыв нос кончиком хвоста. Не о чем, мол, с тобой говорить.

– Ну я ж отчиталась по второму клиенту! – оправдываюсь. Не реагирует. Прав, конечно: фея, не фея – работа есть работа. Обещала гулять – гуляй. С другой стороны, мне все равно больше трех желаний в день исполнять не полагается. Меньше можно, больше – нини. А выходить сейчас себе дороже – Антонина бдит. Да и Витька в любом случае должен появиться.

Но вместо Витьки появляется Коляныч с шоколадкой –

за накладную. За ним являются еще трое дорогих коллег, всем от меня чего-то надо, все шастают туда-сюда, на всех орет Антонина – но ни один, заметьте, ни один не спрашивает меня больше, что в офисе делает кот. Хотя Альбано сидит на окне и внимательно изучает каждого по отдельности и всех вместе. Наконец, ему это надоедает, и он отворачивается. Смотрит за окно долго, пристально, делается почти неподвижен.

Оживает мой, с позволения сказать, педагог и наставник только к концу рабочего дня. Без четверти шесть он спрыгивает с окна и вопросительно взмуркивает, глядя на меня, а потом на дверь. Да-да-да, конечно-конечно, сейчас все сохранию, закрою, оденусь – и домой. В смысле, на работу. Признаться, я даже рада, что теперь у меня есть такая веская причина быть пунктуальной. Всю жизнь мечтала уходить с работы вовремя – и никогда не получалось. Но теперь-то все получится, я чувствую!

Ровно в 18-00 выключаю комп, одеваюсь, направляюсь к выходу – и в дверях сталкиваюсь с Витькой.

То есть натурально сталкиваюсь – я стремлюсь угодить Альбано, а Витька стремится сдать отчет сегодняшним числом. И мы врезаемся лбами друг в друга так, что искры сыплются. До кучи я теряю опору, так что Витьке ничего не остается, как попытаться поставить меня на ноги. А ноги-то у меня ватные – как-то неожиданно сбылась мечта оказаться

в его объятиях. Не так я себе это представляла, ох, не так.

– Уже уходишь? – вместо приветствия спрашивает Витька.

Киваю молча. Прячу глаза. Хотя это очень трудно – не смотреть на него, когда его лицо так близко. Неловко высвобождаюсь из его рук, пытаюсь протиснуться в коридор.

– А я хотел бумаги сегодня сдать, а то ты ж меня знаешь, сегодня не сдам – завтра потеряю. И кофейку бы хлебнули, а?

Витькин отчет обычно содержит кучу ошибок, недочетов и пропусков, которые я нахожу, правлю, распечатываю, а он потом подписывает и несет Антонине. Чтоб она больше не орала, что за него отчеты другие готовят. Иногда он просто приносит мне чеки, а потом приходит забрать готовый отчет. Но если сдать надо сегодня, придется посидеть рядом, подождать, когда я все сведу – и он сидит, ждет, и пьет мой фирменный кофе, конечно. Час-полтора, не меньше.

Но сегодня я должна идти. И только набираю воздуха, чтобы сказать об этом, в ноздри проникает запах его парфюма, от которого я теряю голову, волю, остатки самолюбия.

И тут же чувствую основательный тычок – такой, что коленка опять подгибается. Снизу на меня смотрит Альбано. Он категорически против того, чтобы я опаздывала на ту работу, которую он считает основной. Сумрачный взгляд его не предвещает ничего хорошего в случае, если я сейчас плюну на фейские обязанности и останусь здесь с Витькой на

блаженные полтора часа.

На несколько секунд я теряюсь. Витька трактует это как согласие и быстро идет к моему столу, волоча меня за собой.

Позади раздается угрожающее шипение.

Я снова застываю в нерешительности. Витька выпускает мою руку и выкладывает папку на стол:

– Ну, приступим?

Шипение слышится еще раз. Я оглядываюсь на Альбано и выдавливаю из себя:

– Извини, не сегодня. Я очень тороплюсь.

– Так и я тороплюсь, вместе поторопимся – справимся быстрее!

Торопится он. К Кристине своей ненаглядной торопится. Или кто там у него теперь. А завтра у него, наверное, халтура, ему бы вовсе не появляться на работе. Но это разве мои проблемы?

– Витя, давай завтра? Прямо с утра! Хочешь, я пораньше приду?

Вид у Витьки такой расстроенный, как будто я его сейчас лишила надежды прожить жизнь долго и счастливо. Нет, не могу. Остаюсь.

Расстегиваю верхнюю пуговицу на пальто и делаю шаг к столу.

И тут из-за моей спины раздается яростное шипение. Альбано, вздыбив загривок, выходит в центр приемной и, продолжая шипеть, смотрит прямо Витьке в глаза. Витькино ли-

цо вытягивается, бледнеет

– Ну, завтра так завтра, – выдыхает он и тихо выходит из приемной. Не оглядываясь, шагает по коридору. Дверь за ним неожиданно громко хлопает – это выстрел, которым убит мой последний шанс. С укоризной смотрю на Альбано. Он все еще раздражен, и укоризна моя ему до фонаря. Нервно подергивая кончиком высоко поднятого хвоста, он, не оглядываясь, идет к выходу. И я, вздыхая, послушно плетусь следом.

Глава 9

На улице темно, холодно и, к тому же, дождь. Ну что за невезуха! В первый же день тащиться домой на велике под дождем! То ли дело раньше – пусть ближе к ночи, зато бе-гом на трамвай, пять минут – и тебя везут, а ты дремлешь себе до самой своей остановки. Красота! Ей-богу, надо было остаться с Витькой – и пусть бы Альбано счел бы меня не прошедшей испытательный срок, и все вернулось на круги своя. Но, кажется, мастер не дал мне такой возможности.

Эжен стоит на велостоянке. Похоже, он зол не меньше моего – кому понравится мокнуть на холоде несколько часов кряду! Ну и как я должна на нем, таком мокром и холодном, куда-то ехать? Прикидываю, как бы аккуратней взгромоздиться в седло – но ничего не придумывается. С руля течет, седло хлюпает. Эжен стоит понуры, и мне вдруг становится жалко его больше, чем себя. Надо придумать ему какой-нибудь зонт или чехол, впереди все-таки зима. Я ласково глажу его, стряхивая капли, провожу ладошкой по седлу – и чувствую: как по волшебству, под ладонью машинка моя мгновенно высыхает и согревается!

То есть, все-таки я фея. Офигеть. Нет, не может быть. Наверняка это штучки Альбано. Или просто у велосипеда какая-то внутренняя хитрая начинка, реагирующая на прикосновения и разогревающая его изнутри? Впрочем, какая раз-

ница, не стоять же под дождем, надо ехать. Взираюсь на велосипед, жду, пока Альбано усядется в корзинке, трогаюсь с места.

Движемся сквозь подсвеченные огнями улиц дождинки, осторожно рассекаем черные лужи. Я смотрю на город сквозь пелену дождя – это так красиво! Силуэты деревьев, желтые толстые птенцы фонарей в гнездах ветвей, разноцветные окна. Дождь делает обычные вещи волшебными – без всякого волшебства. А что там на небе? Знаю, что тучи и ничего не видно, но все равно задираю голову – и вижу струящийся вокруг меня серебристый полог! Когда была маленькая, мечтала: вот вырасту принцессой, и будет у меня кровать как у Спящей красавицы в книжке – под прозрачным пологом, украшенным цветами. Вот, ровно оно. Только не розовое и без цветов, но струи дождя переливаются огнями, и выходит ничуть не хуже.

Оборачиваюсь к Альбано – мол, гляди, как круто! – и с удивлением замечаю: кот абсолютно сухой! Да и надо мной, кажется, не каплет – дождь окружает нашу маленькую коммашку, но нас – не касается. Эх, а я бы попробовала вон ту красную дождинку, что спускается по соседней струйке – вдруг она клубничная? Высовываю язык, тянусь – и струйка с клубничной каплей тянется мне навстречу! Нет, не клубника. Малина. Тоже, надо сказать неплохо. А вон та, синяя? Еще одна струйка меняет свой путь – ежевика!

Вхожу во вкус – выискиваю разноцветные капли и ловлю

их языком. С ума сойти, сколько всего вкусного на свете! Вишня и огурцы, виноград и голубика, яблоки, сливы и фи-сташки!

При том, что я совершенно не слежу за дорогой, мы все-таки движемся без происшествий – хотя, похоже, не самым коротким маршрутом. Мои спутники, очевидно, решили не мешать мне наслаждаться новыми возможностями – и я им за это ужасно благода...

Ой. Я же точно знаю – деревья тут не стояло! Просто не могло его тут быть – еще утром не было! Или Оглядываюсь и понимаю: в погоне за вкусными каплями куда-то не туда заехала. Похоже, просто замечталась – и заснула за рулем, а вся история с фруктово-ягодным дождем мне приснилась. Спасибо, что доброе дерево, в которое я въехала, вместо того чтобы покалечить Эжену колесо и руль, просто аккуратно ткнуло меня тонкой гибкой веткой в грудь и слегка шлепнуло мокрым листом по физиономии.

Только вот где мы? Никогда бы не подумала, что так плохо знаю Город. Придется лезть в телефон, глядеть в навигатор.

Что ж такое! Мы вообще в другую сторону ехали! Вот правильно мама говорила, я ворона. До дому теперь пилить и пилить А еще ведь в магазин за «качественным кофе», иначе меня Антонина завтра со свету сживет. Намечаю маршрут, разворачиваю Эжена, чувствую непривычную легкость. Оборачиваюсь – так и есть: Альбано сидит на ветке того самого дерева, в которое мы чуть не въехали, и шипит.

– Сударь, – говорю ему, – карета подана, поехали, а? Домой охота.

Он меня не слышит. Даже не смотрит в мою сторону. А куда смотрит? А под соседнее дерево. Под которым принял боевую стойку бродячий пес. Поджарая дворняга – уши торчком, зубы оскалены, мокрым хвостом по бокам колотит – брызги во все стороны, в глазах ненависть ко всем котам мира. Вот-вот кинется.

– Эй, – говорю ему. – Ты чего? Ты не видишь, что ли: это не простой кот?

Дворняга переводит полный ярости взгляд на меня. Я даже немножко пугаюсь. Но продолжаю беседу.

– Есть, говорю, хочешь? Иди, у меня вон бутерброд. С колбасой!

Ярость в его взгляде по мере моих поисков сменяется растерянностью – парню явно знакомо слово «бутерброд». Или, в крайнем случае, «колбаса». Но он не готов сменять благородный гнев на какую-то там колбасу! Кажется, не готов. Или, может быть... Нет, не готов. Рычит сурово. Но все-таки делает шаг в нашу с колбасой сторону.

Зачем я ему наврала-то? Нет же бутерброда. Ну, выхода тоже нет. Надо продолжать спектакль, а успокоится – разберемся. Лезу в сумку, роюсь, неотрывно глядя на хвостатого визави. Худющий какой, бедолага!

Пес, кажется, всерьез заинтригован. Еще несколько шагов в нашу сторону. Продолжаю рыться в сумке. Так, а это что?

Извлекаю небольшой сверток. Разворачиваю. Ну да, бутерброд. С колбасой. Пахнет божественно! Только сейчас замечаю, что в животе от голода урчит – дождевые гостинцы, хоть и вкусны, не слишком питательны. Но я обещала. Присаживаюсь, протягиваю угощение псу. Смотрит недоверчиво, но делает еще несколько шагов – и вот уже берет у меня с ладони колбасу. Сначала один кусочек, потом другой. Потом забирает хлеб. И смотрит на меня. Ух ты, у него голубые глаза! И в этих глазах – никакой ярости, только бесконечная благодарность! В горле застревает комок. Я осторожно глажу пса между ушей и говорю:

– Твое желание непременно сбудется!

Он делает шаг – и мокрым языком проводит по моей щеке. А потом, рыкнув еще раз для острстки на Альбано, разворачивается и трусит в темноту. Я грустно смотрю ему вслед. С детства хотела завести себе собаку! Да куда мне собаку в съемную квартиру...

Квартира! Петечка из Талды-Кургана! Я же через две недели буду бомж! Хоть и фея. Завтра непременно надо заняться поисками нового жилья. Ох, непросто будет с котом. Впрочем, это ж не просто кот, значит, должно быть полегче. Альбано, меж тем, спрыгивает в корзинку, оглаживает лапой усы и смотрит на меня выжидательно: мы, мол, поедем сегодня или так и будем пялиться вслед этому оборванцу?

Да поедем, поедем. Главное, в магазин заскочить не забыть.

Домой добрались к полуночи – за кофе еле успела. Никогда не забуду вытянувшееся лицо тетки в форменной жилетке, узревшей обсуждение кошачьего корма между мной и Альбано.

– Сухарики? – спрашивала я.

– Фу, – кривился Альбано.

– Может, тогда вот этот, в банках?

Кот возмущенно фыркал.

– Так ты скажи, я ж не знаю, у меня кошек никогда не было! – возопила я.

Альбано покрутил башкой и отвел меня в отдел молочных продуктов, где положил лапу на стеллаж со сливками. Я взяла коробку: эти? – снова башкой крутит. Эти? – и это не то. Наконец, он потерял терпение, ловко вскарабкался на верхнюю полку стеллажа и ткнул лапой в нужную бутылку. Да, дороговато обойдется этот коучинг. Ну, не мне жаловаться – во-первых, зарплату мне обещали приличную, а во-вторых, это будет моя вторая зарплата. Дожить бы только хоть до какой-нибудь!

В общем, взяли две бутылки сливок, творожной массы и пачку сосисок. С сосисками Альбано тоже долго привередничал, пока не остановился на каких-то совсем простых, которые даже у меня вызвали подозрение. Но он настаивал, кассирша уже нервно поглядывала в нашу сторону – и я просто сделала, что мне велели.

Чудом вспомнила про кофе для Антонины.

По дороге домой все думала, откуда в сумке бутерброд? Не было же! Неужто у меня теперь сумка-самобранка? Да нет, ерунда. Дядя Вася, наверно, заметил, что я на обед не ходила, решил, что деньги кончились, вот и позаботился. Он вообще считает, что я голодаю, и вечно подсунет съестного: то блинчиков (у него жена печет вкуснющие!), то баночку плавленого сыра. И всегда отпирается, если я спрашиваю, не он ли. А теперь вот, бутерброд.

Лежу в постели и поскуливаю: ТАК мои бедные ноги не болели еще никогда! Еще бы, два, почти даже три часа на велике впервые в жизни! Главное, пока ехала – хоть бы что, а теперь... Спать хочется ужасно – и никак не выходит заснуть. Вдруг сверху на ноющие без перерыва лапы наваливается кто-то тяжелый и раздается звук, какой обычно издают древние холодильники. Альбано! Его еще не хватало. Но, как ни странно, вибрация, создаваемая мурчальным аппаратом моего мастера, действует почти мгновенно – через пять минут я сплю беспробудным сном.

Глава 10

Сегодня шеф на месте. Обычно из командировок он возвращается довольный, иногда даже с подарками – то магнитик презентует, то ручку из чужого офиса. А в этот раз мимо промчался, даже не поздоровался, только буркнул, чтоб кофе ему сделала и Антонину вызвала.

Господи, как они орали! Альбано не выдержал, с подоконника спрыгнул и удалился в неизвестном направлении. Я к шефу с кофе, а он мне навстречу. Я ему: ты куда? А он на меня не смотрит даже. Был бы он обычный кот, а я Петрова, я б его за шкурку и в шкаф, чтоб не шарахался, народ не нервировал. Но, во-первых, он необычный, а во-вторых, я не Петрова и даже обычного не решилась бы в шкаф запыливать, жалко же. Пришлось положиться на его благоразумие и магические свойства.

В директорском кабинете бушевала настоящая буря. Семен Мартыныч тряс багровой лысиной, в стороны летели крупные капли пота:

– Какого черта! Какого черта, я спрашиваю! – повторял он, срываясь на визг.

Антонина сидела прямая как палка и сквозь плотно сжатые губы цедила:

– Я вас предупреждала. Я предупреждала вас? Предупреждала. Ну и нечего теперь.

Дверь скрипнула, и Семен Мартыныч воззрился на меня пылающим взором. Он хватал ртом воздух, хотел, очевидно, что-то сказать – и не мог. Да я и так понимаю, что я, не секретарь, что ли? Только меня с кофе тут и не хватало, хотел сказать он. Но кофе заказывали? Заказывали. Я уже здесь? Здесь. Надо как-то выкручиваться.

– Семен Мартыныч, Антонина Михална, я вам кофейку принесла! Свежемолотый! Сливки элитные! Попробуйте, а? А то, может, коньячку грамм по пятьдесят? – и я, обалдевая от собственного нахальства, подмигнула шефу.

Я. Подмигнула. Шефу. Я. Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда! Но я отчетливо почувствовала, как нижнее и верхнее веко левого глаза, вопреки моей воле, на секунду сжались – и лицо приняло выражение слегка идиотическое и в то же время заговорщицкое.

Уволит. Я б на его месте прямо сейчас уволила. Это совершенно точно проделки Альбано, он как-то мной управляет, чтобы я такое вот вытворяла!

Эта мысль пронеслась у меня в голове – и чуть было все не испортила: ужас, промелькнувший в глазах, смазал бы впечатление. А впечатление, надо сказать, я произвести сумела. Шеф прекратил верещать, Антонина повернулась всем корпусом и воззрилась на меня немигающими очами. Пока стояла тишина, я ловко подсунула им чашки – и оба они, как по команде, не сводя с меня глаз, послушно отхлебнули каждый из своей. Отлично. Пока молчат, надо смываться.

Выскочила, закрыла дверь. Сердце колотилось как бешеное. Я вообще не люблю кофе подавать. В присутствии шефа руки мои на глазах кривеют, движения становятся неловкими, горло сжимает спазм. Если честно, я его боюсь. Не знаю почему. Так вышло. Он когда орать начинает, я с трудом сдерживаюсь, чтоб под стол не залезть. А сегодня – это вот что было?

За дверью, меж тем, по-прежнему стояла тишина. Ровно столько стояла, сколько требуется, чтобы спокойно выпить чашку кофе. А потом раздался звонок.

– Аня, – сказал в трубку осипший голос шефа, – к часу собери совещание. А сейчас принеси нам, пожалуйста, еще кофейку. И печеньки.

ПЕЧЕНЬКИ? Шеф просит печеньки? Неладно что-то в датском королевстве, ой, неладно. Или, наоборот, случайно как-то все наладилось?

Когда я второй раз вошла в кабинет с кофе и печеньем, шеф впервые за все время моей работы сказал мне: «Спасибо, Аня»!

Я чуть в обморок не грохнулась.

Чудеса!

К часу народ для разв... то есть, на совещание собрался. Начальник отдела продаж, Антонина, завскладом, даже юриста позвали. А Витьку не позвали. И то, зачем на совещании сисадмин. Тем более, его с утра на работе не было. Витька как-то ухитрился так организовать свою офисную жизнь, что

шеф почти никогда не спрашивает о нем.

Вслед за последним из приглашенных в приемную вошел Альбано. Поглядел на меня вопросительно: мол, готова? Собирайся давай. А куда собирайся-то? Совещание началось, моя задача сидеть в приемной и обеспечивать тишину, кофе и своевременную подачу необходимой информации – статистика там, отчеты за прошедший период, новости по теме (вдруг кому приспичит узнать, каков сегодня индекс Доу-Джонса или погода в Тайланде – как будто это влияет на продажу батареек в Твери), перевести что-то срочно (у нас, как ни странно, есть зарубежные партнеры и да, с английского, немецкого и даже китайского я тоже могу переводить, особенно если под рукой программа-переводчик), ну и прочая фигня. Конечно, у меня перерыв. Так у всех перерыв, а все сидят и совещаются.

Альбано хмурится: ему пофигу, чем заняты все, у нас с ним дежурство горит. Утром я, каюсь, проспала, и летели мы на работу без завтрака, игнорируя светофоры и прочие препятствия. Думала, так где-нибудь и останусь лежать под придорожным кустом, сбитая грузовиком и всеми забытая, а Альбано придется податься в уличные коты. Нет, обошлось. Без минуты девять я была на месте. Но вот график исполнения желаний граждан подведомственного мне населенного пункта был несколько нарушен. Так что в перерыв я просто обязана выйти из комнаты, тем самым, возможно, совершив непростительную с точки зрения начальства ошибку. Альба-

но смотрит на меня так, что я понимаю: не выйти из комнаты в моем случае гораздо опаснее. Что ж, рискну.

Тихонько выскальзываю из приемной, снимаю с Эжена старое мамино пальто – вчерашний опыт учтен, но чехол сшить время надо, так что пришлось обойтись пока так. Кажется, мой верный конь в тепле слегка вздремнул – ну и отлично, значит, годная вышла попонка.

Мы не спеша катимся по Кленовой – хорошая улочка, тихая. Клены еще не до конца облетели – то тут, то там желтые листочки солнечными зайчиками на сером. А один, красный, крупный, на самой верхушке, попал в воздушный поток и мотается как бешеный туда-сюда – красное знамя несдающейся осени

Сначала я внимательно гляжу по сторонам – эй, народ, кому тут желание исполнить, налетай! Но народу немного, все идут по своим делам, многие сутулятся, никто ни на кого не смотрит. Витька вот не такой, между прочим. Он когда по улице идет, наверняка сканирует пространство на предмет симпатичных девиц с третьим размером груди. Не меньше, по крайней мере. У Кристины из продаж вообще четвертый. Не то что у некоторых, не будем тыкать в себя пальцем.

В мессенджере, меж тем, уже пятнадцать сообщений: «Ты когда будешь? Мы же договорились! И вообще, тебя тут все ищут». Мы вообще-то договаривались на утро, а сейчас обед, но Неотразимый Виктор искренне считает, что если он обещал прийти, все должны сидеть и ждать сколько надо.

Особенно я.

А тут такой облом – самому ждать пришлось! Мог бы, конечно, и без меня отчет сдать, но Антонина терпеть не может косяков, а у Витьки вечно баланс не сходится. То одно забудет, то другое. Кто из нас, спрашивается, тут гуманитарий?

Я и сама, случается, путаюсь в цифрах, но Витькины отчеты – мой конек. Тут я внезапно становлюсь точнее Палаты мер и весов. «Ты где?» – продолжает пиликать Витька из телефона. Теоретически я не должна испытывать чувства вины. Но я его испытываю. Сейчас кончится совещание, выйдет Антонина, и Витьке не поздоровится. Интересно, меня правда ищут или это он придумывает?

В общем, дорогие горожане, сами виноваты – у вас было целых полчаса, вы не воспользовались ими, и они пролетели. И вы пролетели. А я полетела исполнять желание любимого.

Но полет мой прервался, не начавшись – при попытке повернуть назад у Эжена вдруг заклинило руль. Вперед едет, а поворачивать категорически отказывается. Понятно: сопротивление бесполезно. Но к двум мне в любом случае надо быть в офисе, мысленно предупреждаю я. И почти сразу вижу девочку. Очень грустную девочку-подростка в коричневой куртке, которая ей уже маловата – на спине морщит, рукава короче, чем нужно. Она идет перед нами – не идет даже, а плетется. За спиной дешевенький старый рюкзак, голова опущена, плечики вздрагивают – кажется, она плачет. Я смотрю на нее – и мои глаза тоже застилают слезы. «Я тол-

стая! – стучит в моей голове, – Я толстая! Я никогда не научусь танцевать!»

Господи, какая дурочка! Ей совсем не нужно учиться танцу – она идет как танцует! Да, это очень грустный танец, но он вписан в этот день, в серые тучи, в блеклый воздух, в мокрые деревья! А будь сейчас кругом молодая зелень солнце и легкий весенний ветер, она была бы совсем другой – тонким солнечным лучом, нежной веткой, кружилась бы на ветру и пела бы, как птичка!

Она думает, что хочет похудеть и научиться танцевать. Но на самом-то деле она просто хочет быть собой, а не таскаться в эту скучную, ненужную ей школу, где ее ругает учитель физкультуры за то, что она не может перепрыгнуть через козла. Глупости какие – через козлов прыгать! Может быть, конечно, однажды она станет расхитительницей гробниц или суперагентом, и этот навык ей ой как пригодится! Но это настолько вряд ли, что даже предполагать странно. Лучше б, правда, танцы в школе ввели. Вальсы там, менуэты, да что там, простой уличный хип-хоп или как его там. И она была бы счастлива! А козел вгоняет ее в тоску. Я уже молчу про мымру-математичку.

Для этой у меня точно есть подарок! Лезу в сумку – и почти сразу в руке моей оказывается крохотная куколка-балеринка на цепочке. Я купила ее случайно, проходила мимо какого-то киоска и загляделась. А носить не ношу – не люблю украшений.

Мы с Эженом обгоняем девчонку и круто разворачиваемся прямо перед ней – Альбано буквально вываливается из корзинки и возмущенно орет. Но девчонка и тут нас не замечает – чуть не врезалась!

– Извините, – говорит, – я нечаянно.

А сама носом хлюпает.

Я протягиваю ей куколку:

– Вот, возьми, пожалуйста!

Девчонка пятится и испуганно мотает головой:

– Спасибо, но мне нельзя брать подарки от чужих.

– Пожалуйста, возьми! – упрощаю. – Это очень важно, понимаешь, чтобы она теперь была твоя!

Вкладываю куколку ей в руку. Она мотает головой, но подносит ее ближе к лицу – понятно, со зрением швах, очки не носим. Потому что мало того, что толстая, так еще и очкарик. Ой, балда. Рассматривает куколку и вдруг – улыбается. Какая ж она красавица будет, когда вырастет!

– А как ее зовут? – спрашивает.

– Она сама тебе скажет чуть позже, – гляжу ей прямо в глаза. – А твое желание непременно сбудется!

– А когда?

Смешная. Откуда ж я знаю когда? Пожимаю плечами:

– Скоро.

Взбираюсь на Эжена. Девчонка заморожено рассматривает куколку. А мы изо всех сил чешем в офис – представляю, какой скандал меня ждет!

Глава 11

Укрыв Эжена маминым пальтишком, влетаю в контору – а там тишина! Начальник отдела продаж и Антонина до сих пор у директора, остальные на выезде, дядя Вася дремлет на стуле, прислонившись к стеночке у себя в углу. И только одинокий Витька сидит на кухне и гипнотизирует кофемашину.

– Ты чего? – спрашиваю.

Как же он мне обрадовался!

– Наконец-то пришла! А то меня тут кофе припрягли наливать.

– Кофе?

– Ну да! Но я, конечно, не стал, у меня другие должностные обязанности. Где вот ты ходишь? Отдувайся за тебя!

Закинув пальто и сумку в приемную, возвращаюсь на кухню, достаю с полки кофе и принимаюсь заряжать фильтр.

– Им уже не надо, у них там скандал до потолка. Сначала орали, теперь молчат. А мне сделай, – распоряжается Витька. И добавляет обиженно: – Я думал, мы за перерыв с отчетом быстренько посидим, а тебя на месте нет.

– Вить, так ПЕРЕРЫВ же, – виновато говорю я. – Что мне, выйти нельзя?

– Ну всегда ж ты в перерыв на месте, а сегодня что? Ты нарочно, что ли? Так бы и сказала, что не хочешь помочь товарищу. Второй день за тобой таскаюсь, что я, мальчик тебе?

«Крестину бы свою просил, ты ж за ней тоже таскаешься, правда, по другой причине», – чуть было не ляпнула я. Но не ляпнула. Заварила кофе по-человечески сначала Витьке (отхлебнув, он сразу подобрел и успокоился), потом начальству, занесла в кабинет.

Ох, до чего ж там страшно! Воздух такой, что дышать невозможно, все сидят бледные, только директор красный, и что-то тихо говорит наш приходящий юрист, который смолкает, как только я появляюсь на пороге. И все сразу на меня уставились, как будто я не кофе принесла, а гранату с выдернутой чекой – плохих новостей ждут, ясно. Молча ставлю чашки и выскальзываю за дверь. Про страшное мне сообщат, когда понадобится, а пока у меня целый час с Витькой, и больше я все равно сейчас ни о чем думать не могу, даже если планируется падение неба на землю.

В отчете моего ненаглядного, конечно, полная благодать – билеты не внесены, за гостиницу денег меньше на порядок – кого волнуют какие-то там нулики, а вот закупка расходников, напротив, по отчету дороже, чем по документам – посеял чек.

- И что ж мне теперь делать? – Витька страшно возмущен.
- Ты меня спрашиваешь? Где чек профукал?
- Я знаю? Вроде, все брал. Дома, наверно, валяется.
- Дуй домой, ищи, Антонине все равно пока не до тебя.
- А нельзя без него как-нибудь, а?
- Можно. Но тогда придется доложить из своих.

– Не хотелось бы, – торгуется Витька. Как будто это от меня зависит.

– Ну не докладывай, Антонина из зарплаты вычтет – и всех делов.

– Вот ты зануда!

И почему я сразу чувствую себя виноватой, как будто это я дурацкий чек посеяла? Я вообще к его отчету отношение имею только потому, что Витька – это Витька. А тумakov он будет получать от Антонины лично, мне не достанется. Но это не значит, что я сейчас все брошу и отправлю его самого разбираться со своими бумагами.

Тут раздается звонок – шеф требует срочно соединить его с мэром. Да-да, наш директор частенько общается с высоким начальством. Набираю приемную мэрии, запрашиваю контакт, жду, пока там доложат по форме. Витька стоит, мнется. Чего тебе, глазами спрашиваю. А он на стол ко мне садится, низко-низко наклоняется, в глаза смотрит и говорит, негодяй:

– Анечка, рыбка моя, ну, может, у тебя найдется какой-нибудь чек за нужные числа на требуемую сумму?

Тут наконец раздается: «Соединяю!» – и я перевожу звонок на шефа, а сама Господи, когда Витька так близко, я последний разум теряю. И он, гад, об этом знает. Где вот я ему должна чек взять, тем более, из тверского магазина? Но Витька сидит, зудит в ухо, не занятое трубкой, бедная моя голова кружится, шеф, прежде чем разговаривать, бурчит:

«Аня, зайди!» По его тону понятно, что ничего хорошего меня не ждет – и я сую руку в сумку, вываливаю на стол кучу завалявшихся на дне бумажек и говорю Витьке:

– Вот, все, что есть, может, чего и найдешь.

Витька начинает лихорадочно рыться в этой куче, а я отправляюсь к шефу – без всякого энтузиазма: могла бы сидеть препираться с Витькой, а придется выслушивать ор по поводу отсутствия на рабочем месте в законный перерыв.

В кабинете все сидят с выпученными глазами, шеф держится за сердце, тяжело дышит и молча слушает того, с кем я его только что соединила. Лысина по-прежнему багровая. Антонина, заметив меня, шепчет:

– Корвалол есть? Тащи.

Вылетаю из кабинета, несусь к аптечке. Краем глаза замечаю, что бумажки разбросаны вокруг стола, а Витька свалил. В очередной раз мельком удивившись, что ж я все-таки в нем нашла и вообще какого чорта, лечу обратно в кабинет с водой и лекарством.

Шеф уже закончил разговор. Антонина отбирает у меня пузырек и ложку, и, накапав, подносит лекарство директору. Тот послушно глотает, запивает водой и откидывается на спинку кресла, закрыв глаза. Машет всем – свободны. Народ расходится в гробовом молчании. Остается одна Антонина. Меня она тоже знаком выставляет за дверь. Чует мое сердце, грядут перемены.

В приемной пусто. Собираю бумажки, разбросанные

Витькой, сажусь проверять почту. Появляется Зиночка-маркетолог.

– Ну как он там? – спрашивает Зиночка шепотом, – Можно мне зайти?

– Лучше не надо, – качаю головой, – Он не в духе.

– Тогда вот, – и Зиночка оставляет мне заявление. Она увольняется.

За ней приходят еще трое из торгового – тоже все с заявлениями. Плохо дело.

Шеф с Антониной еще час сидели, запершись, в кабинете. Наконец главбухша вышла. Процокала каблуками мимо, будто и нет меня,дохнула корвалолом. Следом за ней вышел и шеф – встрепанный как воробей, суровый как идол острова Пасхи. Поглядел сквозь меня и сказал, что появится утром. А если кто его будет спрашивать, отвечать, что в командировке и вернется не раньше следующей недели.

Ближе к концу дня заскочил Витька.

– К Антонине-то заходил? – спрашиваю.

– Конечно! Все копеечка в копеечку, даже не пикнула. Анька, ты золото! – он притягивает меня к себе за шею и звонко целует в щеку. А потом вручает шоколадку. Ту самую, которую я не ем. И я беру. И, кажется, ужасно краснею ушами.

– Чек-то нашел? – спрашиваю, стараясь ритмично дышать.

– Так я наверно у тебя его вчера и оставил, а ты в сумку

сунула! Он в той кучке был, почти даже не помятый!

Это что еще за фокус? Сумка моя теперь самобранка? Вчера бутерброд, сегодня чек. Интересно, самозарождаются ли в ней при надобности крупные купюры?

Да нет, это, наверно, когда мы вчера в дверях столкнулись, чек выпал из Витькиной папки и залетел ко мне в сумку – вечно забываю ее закрыть.

– Надо как-нибудь нам с тобой кофейку, что ли попить, а? Не здесь, а на природе где-нибудь.

– На природе? Из термоса, что ли?

– Да нет, балда. В кофейне, конечно, – смеется Витька и машет с порога: – Ну все, пока, увидимся!

«Как-нибудь» – это, разумеется, такой специальный синоним «никогда». Ну и ладно. Не больно-то и хотелось.

Домой возвращаемся поздно – до полуночи почти колесили по улицам. Безрезультатно. Поймала себя на том, что волнуясь: как же так? Неужели никому сегодня не нужна фея? В общем-то, это даже хорошо – значит, у людей и без волшебства все более или менее в порядке. Что ж я буду навязываться. И вообще, Виталина сказала, что судьба сама должна столкнуть меня с клиентом. Подозреваю, орудия судьбы – это Эжен и Альбано, потому что ведут себя эти двое на маршруте абсолютно бесцеремонно!

Заигралась, в общем. Ну какое волшебство? Кот, конечно, практически говорящий, но коты вообще умные и умеют настоять на своем. Ну а я-то при чем? Я просто делаю свою

работу, совсем, кстати, несложную и к тому же приятную. Даже странно, если за нее заплатят.

Ехать сегодня было значительно легче – ноги ни капельки не болели. Все-таки Альбано маг и волшебник, вылечил вчера. И дождя не было. Ветер сдул с деревьев последние листья, дорожки стали золотые и шуршали почти как море. Золотое море – чего ж еще.

Я и размечталась – как мы с Витькой пьем кофе на морском берегу, смотрим на закат, золотящий волны, а потом друг на друга – и он вдруг понимает, как ему со мной повезло.

Как мы попадем на этот морской берег, я не стала думать – как-нибудь попадем. Или не попадем вовсе – какая, в сущности, разница. Главное, что весь вечер прямо сегодня я была с ним там – и никто не сможет сказать мне: не было этого! Даже Витька не сможет – я ж ему ни за что не скажу, что было.

И вдруг раз – родной подъезд! Как будто Эжен сам вырулил. Или Альбано его направил. Хорошо все-таки, когда ты не одна. Пусть даже твои спутники – старый велосипед и мрачный кот.

Спала как убитая, но ближе к утру мне зачем-то приснился Витька. И сказал, чтоб я не выдумывала, ни на какое море он со мной не поедет. А поедет с нормальной чикой с нормальным четвертым размером. Тут из тумана вышла Кристина из продаж на высоченных каблуках и в купальнике.

Витька обнял ее за талию, и они удалились в направлении золотого моря – моего золотого моря!!!

Это так меня возмутило, что я моментально нагнала туч на сияющее закатное солнце, рубанула горизонт парочкой роскошных молний и приказала дождю вылить на этих двоих пять-шесть тонн небесной воды. Нечего тут распоряжаться!

Глава 12

Проснулась злющая и ужасно расстроенная. Запустила подушкой в стенку и немножко поревела. Ненавижу, когда мои мечты портят всякие идиотки из продаж! Тут я еще немножко поревела, а потом утешилась – никогда в жизни эта Кристина сама не придумает золотого моря. А я ей больше в мои мечты прорваться не дам. Ну и все, нечего реветь. Вставай, у тебя кот голодный.

Или ты у кота.

Выхожу на кухню заспанная-зареванная – и глаза открываются сами собой. Рот тоже открывается. На столе стоит омлет и дымится чашка кофе. С высокой молочной пенкой. На табуретке сидит Альбано и невозмутимо лакает сливки из своей чашки. С минуту я созерцаю это, не смея поверить. Ну ладно, омлет. Но капучино? Но и омлет! Как он смог, у него же лапки! Из более-менее разумных версий мне приходит в голову только Интернет. Мой кот освоил Интернет, заказал мне завтрак, открыл дверь курьеру и как-то внушил ему мысль, что все это надо сервировать. Искусством внушения он точно владеет. Но откуда у него Интернет?

Или это Старшие все заказали, чтобы внушить мне веру в его чудесные способности, а ему осталось только двери открыть? Ерунда какая-то.

Похоже, кот и правда волшебный.

Но так не бывает!

Но вот капучино.

Пока я стою столбом на пороге кухни, Альбано спокойно лакает свои сливки. Наконец отрывается от блюдца, слизывает капли с усов и сурово смотрит на меня: он что, зря все это готовил?

Нет, это я еще сплю и мне мерещится, надо пойти умыться.

Однако, когда я выхожу из ванной, вполне себе проснувшаяся, натюрморт на кухонном столе остается прежним. Кот, правда, допил свои сливки и стал еще суровее.

– Спасибо, – говорю. – Вообще-то я бы и сама...

Альбано выразительно смотрит на часы. А на часах, между прочим, семь тридцать. Так что сама я бы точно не успела. И капучино, если честно, без машины готовить не умею. Кстати, а его вообще можно приготовить без машины?

Можно, можно, ухмыляется Альбано. Ешь давай, на работу пора.

Перед тем, как выскочить, достаю шкатулку, где хранится всякая фигня – я очень люблю всякую фигню. Мимо какой-нибудь крошечной пластиковой совы на витрине киоска иногда просто не могу пройти. Или, случается, на дороге иногда валяется что-нибудь невыносимо прекрасное – отломившийся от заколки цветочек или башмачок Барби. А один раз я нашла дельфина! Настоящего дельфина, серебряного.

Ну, может, не серебряного, просто из какого-то светлого металла. Хвост его скрывала голубая эмалевая волна, и мы сразу заметили друг друга: я шла по подземному переходу, а он вместе с волной лежал там на полу, и ему было ужасно грустно. Конечно, я подождала минут пятнадцать, не пройдет ли мимо, рыская взглядом по полу, дельфинова хозяйка – но нет, никто его не искал. Больше того, никто это чудо даже не заметил! Я еле успела выдернуть его из-под грязного ботинка какого-то разухабистого качка, трепавшегося по телефону.

Дельфин остался у меня. Какое-то время я даже верила, что он принесет мне счастье – дельфин все-таки! – но ничего сверхпрекрасного в моей жизни тогда не случилось, просто шкатулка пополнилась еще одной прекрасной фигнушкой.

Иногда, когда за окном шел дождь, или просто было паршивое настроение, я открывала шкатулочку и перебирала свои сокровища, удивляясь собственной глупости: ну зачем мне вот это все? Хотя, честно говоря, прекрасно понимала: у меня бы сердце разорвалось, если бы вот это все просто затоптала вечно спешащая публика. А тут мои душечки в безопасности, лежат себе, тихо рассказывают друг другу свои истории. Которые закончились вот тут, в симпатичной шкатулочке в форме огромного красного яблока.

Ну, то есть раньше я думала, что они закончились. А теперь, наконец, каждая история получит свое продолжение.

Которого я тоже, между прочим, не узнаю – это, конечно, обидно. Но что поделать. Такая наша фейская доля: вмешиваться в чужие истории и даже не догадываться, чем это закончится. Хахаха.

В общем, теперь это все найдет себе новых хозяев. И, может быть, даже дельфин. Чем он лучше Витькиного солнышка. Захватываю горсть безделушек, кидаю в сумку, и мы выходим.

Возвращаюсь я вечером, усталая и немного растерянная. Шефа сегодня не было. Антонина орала на всех, кто появлялся у нее на пороге. Мне, правда, повезло – за день я ни разу с ней не пересеклась. Прочий народ разъехался по делам, а кому разъезжаться не положено, затаились в кабинетах. И даже почта будто вымерла. Обычно в день двадцать-тридцать писем с поручениями и мессенджер пищит все время. А тут – тишина, как будто у всех отпуск. Или интернет сломался. Текстов на перевод тоже не прислали.

Так целый день и просидела. Зато высидела себе бриллиантового дракончика. Достойное утешение.

Альбано вот был доволен – на перерыв вышли чуть раньше, вернулись чуть позже, вечером тоже до звонка слиняли. А чего сидеть? В офисе уже никого почти не было – только Антонина и дядя Вася.

Не нравится мне эта история, хоть тресни! Шеф, конечно, глубокий экономер и тонкая натура – проще сказать, жлоб и

истерик, но зла я ему не желаю. А уж конторе и подавно – не самая лучшая на планете наша контора, но люди там неплохие. Не то чтобы команда мечты: сделать больше положенного – ни боже мой, кто ушел – того вмиг забыли, есть возможность спихнуть свою работу на коллегу – спихнут. Но в целом народ старается друг друга не подводить, а что еще требуется от приличных сослуживцев?

Впрочем, мне-то чего беспокоиться, у меня есть уже другая работа и, похоже, она мне нравится. Вот сегодня, например, мы с Альбано честно выполнили норму: пристроили три предмета из заветной шкатулочки. И теперь, может быть, злющая старушка с маленькой толстой собачкой дождется наконец визита своего непочтительного, но нежно любимого внука, кассиршу из соседнего супермаркета пригласит на свидание симпатичный покупатель, а у печальной хромоножки наконец перестанут болеть коленки.

Все это, думаю я, можно устроить без всякого волшебства. Бабке просто надо перестать без конца воспитывать парня и научиться просто радоваться его визитам, а хромоножке не повредили бы поход к врачу и физкультура, что ж так мучиться! С кассиршей сложнее – тут зависит от того, хочет ли этой встречи предмет ее мечтаний.

Но все равно мне приятно думать, что все у них получится, и я к этому хоть немножко причастна. Заодно от рабочих проблем отвлеклась – все-таки исполнение чужих желаний требует полной концентрации.

Но вдруг это все профанация? Вдруг я тихо схожу с ума, и Альбано с Эженом, и наши совместные прогулки мне просто мерещатся? Ну не может этого быть, чтобы кот готовил мне завтрак! И не может быть, чтобы эта вот раздача микро-слонов действительно была ритуалом исполнения желаний. Мне же не объяснили толком, как это работает. Так может, оно и не работает?

Нет, вернемся к версии эксперимента. С практическими последствиями. Ну правда, если бы ко мне вот так на улице подошел человек и пообещал, что мое заветное желание сбудется, я б, конечно, не поверила. Но это я. А вдруг таких, которые поверят, гораздо больше?

И что? Ну, поверят. Как это может повлиять на реальные события их жизни? Нет, допустим, если девочка мечтает стать балериной, то, получив обещание, что мечта сбудется, она начинает заниматься, и делает успехи, и однажды выходит на сцену Большого. Но это если у нее талант, и повезет с преподавателем, и еще много всяких если А если нет?

И как следить за результатами? Альбано регистрирует клиентов по биометрии, когда я беру их за руку и заглядываю в глаза? Чушь собачья!

Но самое главное – как Альбано удастся передавать мне содержимое голов людей, которых я в первый раз в жизни вижу? Нет, я и раньше довольно быстро понимала, что у человека болит, на какую мозоль ему давить не надо и как быстро утешить, если кому-то грустно. Но чтоб с такими подробно-

стями? Наверное, я все-таки сошла с ума.

Ну и подумаешь! Честно сказать, все это мне ужасно нравится. Особенно, конечно, Альбано – не знаю, как Старшие это сделали, но он определенно настоящий волшебный кот. И интеллект у него повыше, чем у некоторых наших университетских профессоров.

Эжена я тоже полюбила. Мама всегда смеялась, когда я разговаривала со стиральной машинкой или с телефоном как с живыми. А с Эженом по-другому и не получается – он же отвечает! Пусть и не словами. И к тому же упрямится. А если кто-то умеет упрямиться, он однозначно живой! А не просто набор деталек.

Кроме того, я впервые в жизни систематически занимаюсь спортом Велопрогулки – это же спорт?

Думая обо всем этом, я готовлю ужин: себе наливаю какао, Альбано сливки. И, конечно, пачку мороженого пополам. Негусто, зато вкусно.

Пока я накрываю стол, мой кот-ученый сидит на подоконнике и пялится на окна соседних домов.

– Кушать подано, профессор! – зову я, и он величественно и изящно стекает на стоящую у окна табуретку и принимается за сливки. Любуясь на него, я ем свое мороженое и думаю, что так или иначе вскоре все разрешится, а хорошее настроение на базаре не купишь, надо наслаждаться им, пока есть.

Когда эта благая мысль посещает мою голову, Альбано поднимает башку от чашки, облизывает усы и одобрительно мыркает.

С тем я и отправляюсь в постель.

Глава 13

Четверг проходит подозрительно спокойно – шефа опять нет. Антонины, что удивительно, тоже – кажется, это впервые с тех пор, как я здесь работаю. Народ слоняется по кабинетам, перешептывается, то и дело заглядывает в приемную поинтересоваться, не появилось ли начальство. Начальство не появляется, дел совершенно никаких – до такой степени, что я успеваю навести идеальный порядок в компе.

На перерыв мы с Альбано выходим минутка в минутку. Колесим по улицам под морозящим редким дождем, и в пустом скверике встречаем худющего растяпу средних лет в очках и шляпе. Растяпа рыщет взглядом по земле, руки его трясутся, когда он вытаскивает из кармана сигареты и зажигалку – точно что-то потерял. Альбано выпрыгивает из корзинки и приземляется прямо над связкой ключей, слегка прикрытых упавшим на них бурым листом. Только слепой мог не заметить этот ярко-красный брелок! Но растяпа наш, очевидно, еще и видит совсем паршиво. В этот раз, похоже, мы спасем человека без всякого волшебства – если, конечно, не считать того факта, что в нужный момент оказались рядом.

Соскакиваю с Эжена, поднимаю ключи и подхожу к растяпе. Он уже закурил и, когда я спрашиваю: «Простите, это ваши?» – дергается так, что сигарета вылетает из пальцев.

Долго смотрит на меня, щурясь и не узнавая – неудивительно, он же меня впервые видит!

– Вы меня не знаете, я просто мимо проезжала, – поясняю.

Растяпа облегченно вздыхает и даже, кажется, собирается улыбнуться.

– Не вы потеряли? – спрашиваю и трясую связкой у него перед носом.

Он снимает очки, кладет их в карман, вглядывается в предмет, который я держу в руке. Потом снова надевает очки и еще раз вглядывается. Боже, как же трудно ему живется, бедолаге! А зрение будет падать и дальше. Надо было воспитывать в себе организованность и аккуратность, мама права! Ведь скоро он останется совсем один...

Ооо, какой тяжелый случай! Мама милая старушка, беспомощный божий одуванчик, упертая как бетонная стена, хрупкая как стеклышко – чуть что не по ней, сразу давление, сердце, скорая. Однажды, года два назад он собрался на свидание – бежала за ним по лестнице, упала, сломала шейку бедра. Пришлось свидание отменять, ехать с мамой в больницу. Потом долго выхаживать ее дома, благо, работа удаленная. Не до свиданий. Та, с кем собирался жизнь прожить, ждала-ждала, плюнула, завела себе другого. Все они такие, стонала мама, только мне ты нужен, сыночек. И слезы текли по морщинкам из прозрачных глаз, глядящих сквозь него...

Третий месяц мама лежит, и он каждый день слушает, как она без него умрет, и как он без нее он и шагу шагнуть не

сможет. Дополнительно мама живописует, какие кары небесные ждут его, если он-таки шагнет. Врачи давно говорят, что ей пора ходить, но она не ходит. И он при ней, прикованный как Прометей, с исклеванной бесконечными претензиями печению

Похоже, для него хтонь, в которой он существует сейчас – единственно возможная реальность! Он ничего не хочет, он на все готов – только бы мама была довольна. Но это невозможно – мама никогда не бывает довольна.

У человека должно быть собственное желание – хотя бы одно! Изо всех сил вслушиваюсь в хаос, гремящий в его голове: скрежет невымытых вовремя сковородок, треск рвущихся страниц с криво написанными буквами («Переписать немедленно!»), мамины чайачьи крики («Не смей! Она тебя погубит! Ты опять курил! Я жизнь на тебя положила!») и слезы («Как я буду без тебя? Умру – и не вспомнишь!»). Мама, мама, замолчи, пожалуйста!

Да, это оно. Единственное, чего он хочет сейчас по-настоящему. Мне становится не по себе. Оглядываюсь на кота. Он уже сидит в корзинке и абсолютно индифферентен. Может быть, зря я так глубоко копнула, и Растяпа всего лишь хотел найти ключи? Альбано поднимает на меня тяжелый взгляд: делай, мол, что должно, и будь что будет.

Лезу в сумку и нащупываю там крохотный ключик. Однажды на Новый год мама вручила мне сладкий подарок в шкатулке, запертой на замочек. И два таких ключика. Но они

давно потерялись, еще когда я маленькая была. Этот просто на дороге лежал, а я подобрала – негоже ведь такому хорошенькому, блестящему ключику где попало валяться.

Пока Растяпа протирает запотевшие очки, пытаюсь побороть жестокие сомнения в том, что ключи принадлежат ему («Вдруг все-таки не мои? А я точно свои потерял? Карманы, надо снова проверить карманы!»), жестом фокусника цепляю свой ключик к его связке.

Наконец, он произносит, чуть заикаясь:

– Да, кажется, это действительно мои. Вы меня очень выручили! Спасибо!

Вкладываю связку ему в ладонь, пытаюсь поймать его взгляд за стеклами очков. Это удастся, но с большим трудом. Он сжимает ключи – рука все еще трясется.

– Ваше желание непременно сбудется, – говорю. – Все будет хорошо!

– Вы уверены? – серьезно спрашивает он.

– Абсолютно, – подмигиваю ему и жму на педали. Спирной чувствую, как удивленно он смотрит мне вслед: ключи нашлись, катастрофы не случилось, не может быть! В голове его на секунду прекращается гам, и из маленькой потаенной комнатки, накрепко запертой от мамы, осторожно выглядывает наружу Тишина – у нее глаза и улыбка той, к кому мама так и не отпустила его. Оборачиваюсь, машу ему рукой. Растяпа неуверенно машет мне в ответ – кулаком, в котором крепко зажаты ключи. Я от всей души желаю ему удачи.

Жалко, что я не настоящая волшебница!

Едем медленно, в ушах все еще звучат вопли из Растяпистой головы. Брр! У нас с мамой было совсем по-другому. Конечно, она иногда ворчала – как без этого! Но мне было с ней хорошо, спокойно. Когда я уехала учиться, она переживала ужасно. Приезжала в общагу, посмотреть, как я устроилась. Я тогда на нее обиделась: что я, маленькая, что ли? А она соглашалась: да, малыш, конечно, ты взрослая совсем, просто я волнуюсь, прости. Забила холодильник продуктами, повесила шторы, достала из чемодана моего медведя – и общага стала почти как дом.

Когда я приехала домой с красным дипломом и сообщением, что через неделю выхожу на работу мечты – большое издательство, приличная зарплата, командировки в Европу, – она ужасно обрадовалась. Мы весь вечер пили чай с пирожками, и мечтали, как я привезу ей из Парижа настоящего шампанского и духи Шанель. Веселились, хохотали, а потом мама вдруг побледнела и потеряла сознание.

Она пришла в себя на третий день и не узнала меня. Лежала молча, смотрела в потолок. В больнице сказали, что потребуется операция, потом дорогие лекарства, длительный уход. Что на все это нужны деньги – не потом, когда заработаю, а прямо сейчас. И что шансов даже в случае, если они найдутся, не очень много. Но с каждым днем будет становиться все меньше.

Мне тогда было все равно, что будет потом – лишь бы сей-

час мама наконец посмотрела на меня как раньше. Лишь бы не надо было прощаться навсегда. Тогда я и продала квартиру Резникову.

Приехал светило из столицы, назначил консилиум, потом пригласил на консультацию, сказал, результат не гарантирован, но сделает что может. Я оплатила операцию, он и правда сделал все, что мог. Уезжая, сказал, что теперь есть шанс. Я изо всех сил надеялась, что мы с мамой этот шанс используем на все сто!

Ничего не получилось.

Хорошо, что в офисе тихо, можно спокойно реветь прямо на рабочем месте. Три года прошло, а я все еще не верю, что мамы больше нет. Живу как придется у старухи Каргиной, работаю непонятно где непонятно зачем Впрочем, понятно. Витька. Он – единственное, что осталось у меня из прошлой, светлой, детской жизни. Пусть даже сам он об этом не догадывается.

Зато теперь у меня есть Альбано, который, в отличие от Витьки, всегда рядом. Сидит прямо на столе, смотрит пристально. Потом вдруг оказывается у меня на коленях, я рассеянно глажу его, а он заводит свою кошачью песню, и мне постепенно становится легче, и я уже могу сквозь слезы разглядеть экран монитора.

Потихоньку прихожу в себя, чищу почтовый ящик – и вдруг в куче спама обнаруживаю письмо из журнала «Мир на ладони». Неожиданно! Отправляла им резюме сто лет на-

зад, еще когда училась. Тогда не ответили, а теперь внезапно порылись в архивах? Интересное кино. Ну-ка, что там?

В качестве тестового задания просят сделать дайджест информации о рождественских ярмарках Парижа. Похоже, конечно, на попытку бесплатно добыть материал – скажут, что не подошло, а сами немножко изменят и опубликуют от чужого имени. Знаем, плавали.

А все-таки я ныряю в Интернет и погружаюсь в тему.

Настоящий Париж, конечно, навсегда останется для меня несбыточной мечтой. Что поделать – такова жизнь. Не для всех она рождественская ярмарка, некоторые вроде меня должны довольствоваться местной барахолкой – тоже, к слову, весьма занятное местечко.

Петрова говорит, что я пессимистка, но она по сути своей достигатор. Словечко жуткое, зато объясняет мою душечку чуть меньше, чем всю. Если Катрин чего захотела – будет именно так и никак иначе. Вот решила она, например, сделать из нашего захолустья туристический центр – и сделает, даже не сомневаюсь! Пока у нее маленькое турагентство, но она ухитряется возить сюда группы из столиц, и народ уезжает, полный восторгов. А бизнес Петровой расцветает на глазах. На днях эта великая женщина купила местный санаторий и собирается устроить там элитный бунгало-клуб «Лесная глушь». И ведь устроит! И будет возить сюда не только московских, но и парижских толстосумов!

У меня же все наоборот. Как только я вижу цель и на-

чинаю строить план ее достижения – Вселенная немедленно переворачивается с ног на голову, и в лучшем случае я оказываюсь на одном ее конце, а цель – на другом, а в худшем – понимаю, что это не моя цель, и, достигнув ее, я счастливее не стану. И, честное слово, я не знаю, правильно ли первое считать лучшим, а второе худшим случаем. Может быть, все как раз наоборот.

Поэтому я малодушно – или дальновидно, как посмотреть – плыву по течению, вызывая у Катрин благородную ярость. «Как так?» – орет она и топает ногам всякий раз, когда я в панике покидаю точку, откуда должна была прыгнуть в славу, богатство, далее везде.

В ответ на это я миролюбиво предлагаю пойти в кофейню или прогуляться. Петрова вздыхает и соглашается. Потому что со мной, снова вздыхает она, все равно иначе бесполезно. Только разругаться в хлам, но к этому Катрин пока не готова. Я тем более.

Надо, кстати, Петровой позвонить, а то с этими фейскими делами я совсем одичаю. Дикая фея – прикольно, да? Может, кстати, вполне даже симпатично оказаться.

Ладно, это все потом, сейчас у меня Париж – пусть и виртуальный. Слушаю Шарля Азнавура (мама его любила), гуляю по городу – спасибо тем, кто придумал виртуальные путешествия! Кликнул по улочке – и пожалуйста, разглядывай сколько хочешь причудливые дома и каштаны

Где-то на Пляс Пигаль до меня доносится возмущенное

фыркание Альбано. Ну и пусть фыркает, возможность прогуляться по Парижу я не променяю ни на что – тем более, на роль Анны Всемогущей районного масштаба.

Тогда он усиливает воздействие. Подходя к Виноградникам Монмартра, получаю увесистый тычок в плечо. Ойкнув, поднимаю голову. Прямо в глаза мне смотрит недовольная – крайне недовольная! – кошачья морда. И, поскольку я не сразу вскакиваю и бегу, дорогой наставник еще пару раз щелкает меня по лбу хвостом: рабочий день окончен, на работу пора!

Не отстанет. Что ж делать, вернусь в Париж чуть позже. Покорно закрываю комп и плетусь одеваться.

Глава 14

Катим по темным улицам. Дорогу Эжен с Альбано выбирают самостоятельно, мне следует лишь методично крутить педали. И это здорово – в моей голове все еще сияют огни Сен-Сюльпис. Или это наши, местные огни? Снега-то еще нет – а вот светящиеся снежинки, елочные гирлянды и прочие Деда-Морозы с внучками-Снегурками потихоньку выбрались из кладовок и устраиваются в витринах и на деревьях. Нетрудно представить, что я не здесь, а там, и вот-вот из-за деревьев покажется какой-нибудь Нотр-Дам.

Еду себе, в общем, по Парижу и думаю: а чего я их раньше не любила, огоньки эти? Ужас как они меня раздражали. До Нового года еще больше месяца, а они уже рассверкались тут. Ноябрьские вечера, темные, тягучие, долгие-долгие, всегда нравились мне без этих вот блесточек-стразиков. Гирлянды должны зажигаться перед самым-самым праздником. Ждать его надо долго, в темноте, и когда он возникнет внезапно, осветив все вокруг – получится настоящее чудо! А за два месяца к праздничным огням так привыкаешь, что никакого чуда уже не ждешь

Но сейчас я еду сквозь мерцающий свет – и просто радуюсь: вот огни, вот ледяной воздух, вон, высоко в небе, желтая щербатая Луна – какая разница, кто и для чего это устроил? Да скоро ведь еще снег пойдет! Полетят снежинки, заис-

кряются, затанцуют, будут падать на асфальт, дети будут смеяться – и я тоже! Я очень люблю снег. Но кто знает, когда он наконец полетит. А огоньки уже здесь. Ладно уж, пускай сверкают.

И вдруг стало совсем темно. Что случилось? А мы свернули, оказывается. Улица Кривоносова. Мы с мамой жили неподалеку – на параллельной Александровской. После нарядного центра тут темно – глаз выколи, фонари горят через один, и вообще как-то не очень уютно. И неудивительно. Кривоносова – улица пятиэтажек, которые по новой столичной моде решили снести и расселить народ в новостройки. Типа, город растет, развивается, зачем нам эти хрущевки. Но расселили кого куда – кто смог доплатить, стал соседом Петровой в Заречном, кто не смог, поехал на окраины в Новые Черемушки. Черемушки эти – самое нелепое, что я видела в жизни: торчит в полях десяток башен, до города добираться замучаешься Зато обещали, что, когда Кривоносова расчистят от пятиэтажек, тут построят новые удобные дома повышенной этажности и всех жильцов вернут. Многие верят.

А мне пятиэтажки жалко. Ничего нет более утешительного, чем их разноцветные окошки и уютные дворы. И небо видно. Мы с мамой жили как раз в такой, на пятом этаже, под самой крышей. И под окнами у нас рос толстенный каштан. Такой красивый! Мама сама его посадила – из Москвы привезла, еще когда совсем молодая была. Говорила, что он мой ровесник

На Кривоносова деревьев почти не осталось – вырубili. Дома, правда, снести не успели. Только окна не горят. И фонари через один. И полное безлюдье – никогошеньки! Откуда, интересно, тут возьмется человек, которому срочно нужна магическая помощь? Вот разве что выскочит из темноты мрачный тип в капюшоне и спросит хриплым басом: «Закурить не найдется?». Должна ли я буду в этом случае дать ему прикурить?

Никто, однако, не выходит, улица Кривоносова по-прежнему пуста и безвидна, и мы продолжаем движение без всяких препятствий. Пока не утыкаемся в забор. Приходится с тротуара съехать на проезжую часть, но разницы почти нет – с тех пор, как мы свернули, тут ни одна машина еще не проехала. Неуютно как-то. Пытаюсь быстрее крутить педали, но Эжен упрямится и плетется еле-еле.

Что ж, катим как можем вдоль забора. Ограда чисто символическая: на легкий металлический каркас натянуто что-то вроде толстой клеенки, тронь – упадет. За забором – дом. То есть, бывший дом, теперь просто здание. Все жильцы давно разъехались, даже окна выбиты. Ой, а на третьем этаже одно окошко все-таки светится! И даже лампочку на голом проводе видно. Прямо загадка: откуда она там взялась? Все же отключили, наверное, давно. Но самое интересное – кто под лампочкой живет? Моей фантазии в текущих обстоятельствах хватает только на бомжа – прокуренного, вонючего дядьку с клетчатыми сумками и в старых нестиранных

куртках – двух или трех, сколько подобрал. Я раньше думала: нафига им несколько курток? Даже если холодно по ночам, днем-то можно сунуть лишние в сумку, все равно ж ее везде с собой таскать! А потом поняла: сумку спереть или отнять могут, а надетое и спереть сложнее, и отнимать побрезгуют.

Экая дрянь в голову лезет! Надо, что ли, в Париж вернуться. Но улица Кривоносова к этому совершенно не располагает. Еще ветер этот противный, под пальто забрался, мурашек за шиворот накидал, брр! Эжен, миленький, ну давай скорей, а? – я встаю на педалях, жму, что есть сил – толку никакого, продолжаем тащиться вдоль клеенчатого забора.

Ну и ладно. Приеду домой, отогреюсь. А завтра заболēju, лягу, буду лежать весь день, переводить про Париж и вообще никуда не поеду, ясно?

– Девушка, у вас спичек, случайно, не найдется?

Мой строптивый конь замирает как вкопанный. Голос доносится из-за забора. Медленно поворачиваюсь. Кусок клеенки отдернут как штора, в проеме стоит бомж. Нет, не такой, какого я себе нарисовала – нормальный с виду мужик в толстом свитере. Но все равно! Темная улица, заброшенный дом – и мужик прикурить просит! Все как заказывала.

– Нет, – кручу головой, – не найдется.

– Жаль, – вздыхает мужик. – Останусь, значит, сегодня без чая.

– Жаль, – осторожно отвечаю, отворачиваюсь – и получаю натурально пинка от Альбано.

А, да, я ж фея. Лезу в сумку. И выуживаю оттуда зажигалку – простенькую, одноразовую. Не было там никаких зажигалок, поклясться могу! Сумка точно самобранка, надо же. А купила-то за копейки в киоске.

– Это подойдет? – спрашиваю мужика, который почему-то стоит и не уходит.

– Конечно! Спасибо! – радуется он и подходит ко мне. Я протягиваю ему зажигалку, и в момент, когда он сжимает ее в руке, на автомате выдаю:

– Ваше желание непременно сбудется.

– Правда? – улыбается он, – А тогда пойдемте ко мне в гости! Вдвоем-то чай пить веселее!

– Куда – в гости? – оторопело спрашиваю я.

– Да вон, видите, лампочка! Вы не волнуйтесь, я смирный – и у меня там тепло, правда-правда, там окна еще целые и обогреватель!

– Вы с ума сошли?

Он за кого меня принимает?! Сумасшедших мне только не хватало. Я ему подарок вручила? Формулу произнесла? Все. Больше тут моих дел нет, я поехала. У меня Париж.

– Ну пожалуйста, я очень вас прошу! Хотите, на колени встану? – и он действительно плюхается на колени прямо на мокрый асфальт.

Эжен застыл как вкопанный, а кот, собака, и вовсе выпрыгнул из корзинки и важно шагает к прорехе в заборе!

– Вот видите, ваш кот согласен!

Ага, понятно. Я где-то накосячила, и Альбано таким оригинальным способом решил от меня избавиться. Сейчас я, по его настоянию, пойду в заброшенный дом с незнакомым мужиком, который меня в лучшем случае убьет, в худшем даже представить боюсь – знаем, плавали, все маньяки сначала обаяшки, а потом... Взять вот хоть Ганнибала Лектера.

Но бросить тут кота с великом и сбежать – тоже вариант так себе. Да и сумею ли? Вон он какой здоровый, наверняка догонит. Ладно. В конце концов, что мне терять, кроме собственных цепей. Ну и казенного велосипеда. Но Эжен сам попросился.

– Хорошо, – киваю. – Но только на полчаса. И имейте в виду, если вы позволите себе лишнее, вот этот самый кот – тыкаю пальцем в Альбано – разорвет вас на мелкие кусочки.

Альбано выпускает продолжительный утробный вой, улыбается и потягивается – так, чтобы видны были зубы и когти, сверкающие в свете внезапно появившейся из-за облака луны как отточенные ножи.

Гостеприимный хозяин, поднимаясь с колен, потрясенно глядит на открывшийся взору кошмар. Отлично, теперь сам пусть боится! Я спрыгиваю с велосипеда, и мы величественно направляемся к гостеприимно распахнутой клеенке – сначала Альбано, за ним мы с Эженом. Хозяин почтительно придерживает импровизированную калитку.

Глава 15

Поднимаемся по лесенке, входим в тесную квартирку – точно такая же была у нас с мамой! Только обои у нас были в цветочек, а здесь очень светлые, цвета молочных облаков и, кажется, с тисненым узором, который я пока не могу разглядеть. Здесь чистенько и совсем пусто – у стены раскладушка, пара табуреток, одна служит столом – на ней кусок картона, на картоне – следы от стаканов. Бросаю взгляд на хозяина. Ничего особенного – роста среднего, коренастый, глаза карие. А вот шевелюра роскошная: светлые волосы выются крупными кольцами – любая девчонка душу б за такие продала. А он их даже не расчесывает толком. Хорошо, хоть может – не люблю сальных прядей. В общем, ничего, чаю с ним выпить можно.

– Вот тут я и обитаю, – мягко улыбается хозяин, пока мы с Альбано осматриваемся, и тут же предупреждает: – Обувь можно не снимать, да и пальто тоже, холодновато у меня. Вы располагайтесь, а я чайник поставлю.

Он исчезает в кухне, и я слышу, как льется вода, потом вспыхивает конфорка. Альбано пересекает комнатку и располагается на подоконнике – шуба у него теплая, не замерзнет, а наблюдательный пост выбран предельно точно. Я мнусь у порога – дурацкая ситуация. Какого черта я вообще сюда потащилась? Ах, ну да, исполняю желание. Хотя вооб-

ще-то о том, что придется делать это лично, меня не предупреждали

– Что же вы не проходите? Вот, располагайтесь поудобнее! – он уже здесь и откуда-то из-за двери извлекает складное кресло и распахивает передо мной. Я сажусь – и, действительно, чувствую себя весьма удобно.

Сам хозяин усаживается на табуретку – ту, которая не стол. Смотрит на меня, будто собирается задать вопрос – и тут же вскакивает.

– Ох, я ж забыл представиться! Иван, – он церемонно кланяется.

– Царевич? – хмыкаю я.

– Напрасно иронизируете, – лицо его становится почти серьезным. – Был в моей бурной биографии и такой эпизод.

– И кто ж у нас папа? – ухмыляюсь, – Царь?

Что это со мной? Кажется, я научилась хамить! Мне опять становится неловко. Но Иван улыбается и спокойно объясняет:

– Папа у нас инженер. А Ивана-царевича я на школьной елке играл. В пятом классе.

Теперь я тоже не могу удержаться от улыбки. И голос у него, надо сказать, приятный – низкий, но не грубый. Я уже даже почти не жалею, что зашла.

– Соблаговолите назвать свое имя?

Жалко мне, что ли. Называю.

– Анна! – повторяет он, как бы пробуя звук на вкус. И

потом внезапно: – Ангел Дона Анна! Утешь вас бог, как вы сегодня сами утешили несчастного страдальца!

Однако! В этой обстановке как-то не ожидаешь цитат из Пушкина.

– Поосторожней с классикой! – предупреждаю, – а то я вам тут сейчас масло разолью.

Иван смеется. Я тоже невольно улыбаюсь. Мне нравится его смех – негромкий, радостный. Не может человек, который так смеется, быть маньяком. Хотя фиг его знает. Чего только на свете не случается. И тут с кухни доносится заунывный свист. Кажется, я бледнею. И, кажется, он это заметил.

– Ох, простите, это мой чайник вас так напугал? Я сейчас! – и он уносится на кухню. Я разглядываю обои. На них действительно узор – еле видны тисненные волны, корабли и облака.

Хозяин довольно скоро возвращается с подносом, на котором металлический чайничек, сахарница, порезанный лимон и два стакана в подстаканниках. Подстаканники, похоже, серебряные.

– Вы крепкий пьете?

– Я вообще обычно пью кофе, так что мне все равно.

Зачем соврала? С другой стороны, нельзя же сразу показывать, как мне нравится в гостях у случайного человека, который, может быть, все-таки маньяк.

– Ох, надо было спросить сразу Правда, кофе у меня все

равно кончился. Но я заварил настоящий Эрл Грей!

Он стоит такой растерянный, что мне становится его жалко.

– Ладно, – вздыхаю, – давайте своего Серого Графа. Раз уж меня занесло на эти ваши галеры.

И он наливает мне чаю. Беру стакан, делаю маленький глоток. Чай вкусный, но чересчур горячий. А вот подстаканник удивительный – сначала я держу его за ручку, бархатистую наощупь, а потом обхватываю ладонями, и прямо мне в ладони диковинные птицы и цветы нашептывают какую-то удивительную историю. Слов не разобрать, и я замираю, пытаюсь расслышать. Узор на обоях становится как будто ярче, и, если глядеть сквозь чайный пар, корабли как будто покачиваются на волнах

И тут Альбано громко зевает. Мираж на обоях и шепот в ладонях рассеиваются. Кот захлопывает пасть и внимательно смотрит на Ивана. Я тоже смотрю – и с удивлением замечаю: он точно так же греет ладони о подстаканник – и, как и я секунду назад, пялится в стену.

Точно, в чай что-то подсыпал. Но, раз сам тоже пил, не опасное. Да и мастер мой не проявляет признаков беспокойства – значит, опасности нет.

– Вы давно здесь живете? – спрашиваю я. Он, словно очнувшись, крутит головой:

– Нет, не очень, – отвечает после некоторой заминки, – Но это сейчас. А так-то я все детство здесь провел.

И он опять замолкает, грея руки о стакан и рассматривая обои.

– Так не годится, – строго говорю я. – Вы зачем меня пригласили? Чай пить?

– Ну да – Иван смотрит на меня несколько удивленно.

– Даже если и так. Люди пьют чай вместе не для того, чтобы молчать и пялиться в стенку. Тем более, у вас даже конфет нет.

– Конфет нет, – смиренно соглашается он.

Я смотрю на Альбано. Тот не отрываясь глядит в окно, только ухо повернуто в нашу сторону.

– А сливки? Не для меня, для него, – киваю на кота.

– Сливки тоже нет, – вздыхает Иван, голова его покаянно падает на грудь, кудри на макушке озорно подпрыгивают.

– Но хотя бы история? Ведь история у вас наверняка есть? Что вы делаете в этом пустом доме, который вот-вот снесут? Говорю я строго, но мне и на самом деле интересно.

Иван опять улыбается – не так, как прежде, немного печально – но мне и такая его улыбка нравится.

– Это смешная история. Понимаете, вообще-то я геолог. Я в экспедицию ездил. На север. Потом приехал – а дома нет.

– В смысле?

– Ну, мой дом стоял напротив этого. А месяц назад я вернулся – его нет. Снесли. Реконструкция района.

– Реновация, – поправляю я. – Но вам же новую квартиру дать должны были?

– Должны. Но почему-то не дали. Надо разбираться, говорят. Может, говорят, вы это вовсе и не вы.

– Как это не вы? У вас что, паспорта нету? – возмущаюсь.

– Есть, конечно, – он снова мягко улыбается. – Но они говорят, паспорта мало. И вообще, раз на момент расселения квартира бесхозная была, то и права претендовать на новую у меня нет.

– Ничего себе! Но у вас же наверняка права собственника!

– В том-то и дело, что нет. Это родительская квартира. Мама сказала, рано на меня ее переписывать, потому что я непутевый. Потом, мол, по завещанию получу.

– А папа?

– Папа честно говоря, я не знаю, как они там между собой решили. Они развелись давно, еще когда я в школе учился.

– Но ведь маму-то должны были предупредить о реновации! – возмущаюсь я.

– Конечно, – кивает Иван. – Только она уже давно за границей живет. Замуж снова вышла и уехала.

– Ну так сообщите ей сами!

– Сообщил, конечно.

– А она?

– А давайте я вам лучше еще чаю налью? – меняет он тему, и мне становится неловко: совсем я какая-то беспардонная стала. Согласно киваю, смотрю, как янтарный чай льется в тонкий стакан, чувствую, как снова нагревается в ладони подстаканник. И все-таки не могу удержаться от вопроса:

– И что же теперь будет?

– Да ничего, – пожимает он плечами, доливая чаю и себе. – Зимой сносить не будут, тут перекантуюсь. Я, видите, неплохо устроился – генератор, газовый баллон. И водопровод с канализацией тут, к счастью, забыли отключить.

– Но рано или поздно их отключат! И что потом?

– Придумаю что-нибудь, – беззаботно улыбается Иван.

– Что придумаете? Надо же по инстанциям, я не знаю, заявление написать! Ну не может же так быть, чтобы у человека его квартиру просто так отобрали – и все?

Он невесело усмехается:

– Да был я в инстанциях. Сказали, ждите решения. Вот, жду.

Силы небесные, даже я понимаю, что ждать в таких случаях бесполезно! Это ж надо ходить, пороги обивать – а он не будет, по глазам вижу. Я растерянно молчу. Была б настоящая фея, взмахнула бы палочкой – и все бы наладилось. Но я не настоящая. Хотя Тут Петрова нужна, она такие дела на раз разруливает. Ну или на два.

- Дайте-ка мне свой телефон, - говорю решительно. Иван взглядывает на меня удивленно (ух ты, какие у него ресницы!), потом достает из кармана и протягивает мне смартфон.

- Да нет, номер давайте! – достаю свою звонилку и, кажется, краснею. Потом поясняю: - У меня одна знакомая есть, может быть, сумеет помочь.

Теперь краснеет Иван:

- Да что вы, неудобно человека беспокоить, я уж как-нибудь сам разберусь.

Разобрался уже. Я сурово свожу брови:

- Диктуйте, сказала.

Он диктует. Я записываю, потом перезваниваю, чтобы обмениваться контактами.

Еще с полминуты стоит неловкая тишина. Я делаю глоток и принимаюсь разглядывать подстаканник.

- Красивый какой, - говорю, - старинный, наверное?

- Да, это прабабкины еще, - кивает он. - в экспедицию с собой брал, вот и сохранились.

Мы еще немножечко молчим, но уже без неловкости.

- Ну а вы как тут оказались? - прерывая паузу, спрашивает Иван.

- По долгу службы, - отвечаю. Хорош уже хамить, надо как-то вернуть милую Анечку, с которой всегда приятно поболтать, а эту зарвавшуюся нахалку заткнуть хотя бы на время визита. Визит, конечно, странный, но это не повод вести себя как Кристина из продаж. Вон, хозяин-то как напрягся! - Нет, вы не подумайте, ничего такого. Не в этом, то есть, смысле

- А в каком тогда? - в его голосе звучит неподдельный интерес.

- Ну в мои обязанности входит по вечерам объезжать улицы вверенного мне района, - поясняю я. И только собираюсь рассказать поподробнее, как Альбано с грохотом падает

с подоконника на пол. Мы оба подпрыгиваем и поворачиваемся к нему. Наставник выразительно смотрит на меня: много, мол, разговариваешь. Я моментально замолкаю, спешно встаю:

– Боюсь, нам пора. Спасибо за чай, отменный, даже удивительно, как вам при таких обстоятельствах удастся так вкусно его заваривать.

Иван тоже поднимается и произносит серьезно:

– Вы первая и единственная моя гостья, не мог же я поить вас чем попало!

Я улыбаюсь ему, подхватываю сумку и направляюсь к двери. Альбано скользит рядом. Иван подскакивает к двери, распахивает ее передо мной и светит фонариком так, чтобы мне удобно было спускаться.

Мы выводим из подъезда Эжена, Иван распахивает перед нами тайный проход на улицу.

– Еще раз благодарю.

– О, это я вас благодарю за визит и Пожалуйста, если у вас появится время, не откажите заехать еще разок. Я куплю конфет! – в его голосе ни капельки иронии.

– И сливок! – наставительно добавляю я. Альбано, уже вышедший за порог, поворачивает башку и утвердительно кивает.

Дома я никак не могу сосредоточиться на Париже – все-таки странное приключение. И еще этот привкус бергамота во рту Надо бы кофе налить, но после такого крепкого чая

пить кофе я просто боюсь. А поешь – спать захочется. А у меня перевод.

– Эй, – спрашиваю кота, – ты зачем меня к этому геологу потащил?

Кот, напившийся сливок, дремлет в своем углу и делает вид, что не слышит.

Ну и подумаешь. Не больно-то и хотелось.

Копаясь в переводе. Как-то само собой набирается в поисковой строке слово «чай». Выясняю: французы чай не любят. Не удивили, я сама его не очень. О, а вот про «национальный французский чай с мадленкой». Интересненько! А, понятно – это, поди, чтоб выглядеть не хуже ненавистных англичан. Во-первых, чай с мадленкой придумал Пруст, а во-вторых, он был липовый. И вообще, у французов коньяк, и кофе с круассанами на завтрак в маленьких кафешках возле дома, они прекрасно обходятся без чая. Уж я на их месте точно обошлась бы. Жаль, что мне никогда не оказаться на их месте. И привкус английского чая лишний раз напоминает мне об этом! Эх, я б сейчас слопала – не круассан, так хоть мадленку! Ну или, за неимением мадленки, черт с ней, сосиску.

Выхожу на кухню и варю четыре сосиски – две себе, две Альбано. Я б и Эжену сварила, но он не будет.

Альбано вспрыгивает на табуретку, я кладу сосиски на тарелки. Наставник принимается за еду. Я тоже накалываю сосиску на вилку – и вдруг меня разбирает неудержимый хо-

хот! Ржу до слез на глазах, притопывая ногами и держась за живой. С чего? Сама не знаю. Просто ужасно весело, и все. В голове мелькают обрывки сегодняшнего дня: и Альбано невозмутимо доедает свою сосиску и, пожав плечами – или что у него там – величественно уходит в комнату спать. А я все хохочу, и перестать мне удастся только когда я окончательно теряю силы. Лежу на столе, мордой практически в сосисках, всхлипываю – и, убейте меня, не понимаю, чего я так ржу. А, между прочим, еще мама учила меня, что после полуночи смеяться не к добру.

Впиваюсь зубами в сосиску. А вкусно! Надо в следующий раз попробовать с котом сыр выбирать – а то я вечно беру какой-то пластиковый.

Ну и подумаешь. Зато я окончательно проснулась, и теперь наверняка успею перевести все в срок.